

Дарья Донцова

Уха из золотой рыбки

Любительница частного сыска
Даша Васильева

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Дарья Донцова
Уха из золотой рыбки
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 18

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118858
Уха из золотой рыбки: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-04833-2, 5-699-18487-3, 978-5-699-21372-6

Аннотация

У людей бывают разные хобби... Дашина подруга Лика, например, восьмой раз выходила замуж. Причем всех мужей она бросала сама, найдя более достойного. На этот раз ее избранник не отличался ни красотой, ни ростом, но был богат. Даша Васильева и вся ее семья погуляла на свадьбе, а утром в Ножкине появилась рыдающая Лика и сообщила – в первую брачную ночь муж потребовал... развод. Прямо на свадьбе Евгений полюбил красавицу-блондинку. А через день Даше сообщили, что Лика, как Стенька Разин княжну, утопила мужа, но только в Москве-реке. Даша в это не верит, но есть свидетель, и на суде Лика во всем призналась. Ей дали десять лет. Любительница частного сыска чувствует – история очень сомнительная. Она решает сделать все, чтобы Лика смогла справить свою девятую свадьбу...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	43
Глава 5	70
Глава 6	89
Глава 7	101
Глава 8	105
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Дарья Донцова

Уха из золотой рыбки

Глава 1

В браке тяжело только первые двадцать пять лет, потом вы понимаете, что от партнера ничего хорошего ждать не приходится, и начинаете жить счастливо. Мне, честно говоря, ни разу не удалось проверить эту истину на практике, от всех мужей я убежала, так и не дождавшись серебряного юбилея. Если уж быть совсем откровенной, то мне не удалось справиться и десятилетие брачного союза ни с одним из супругов, а если перестать изображать из себя невесту что, то надо смело признаться: больше трех лет продержаться в браке мне не удавалось.

Сбежав замуж четыре раза, я сделала вывод, что зверь по имени Дарья Васильева в неволе не живет, и прекратила попытки обрести статус замужней дамы. Но некоторые мои подруги, раз наступив на грабли, продолжают делать это бесконечно. К числу таких относится Лика Солодко. Я гуляла на ее восьми свадьбах и всегда удивлялась, ну как Лике не надоест всякий раз устраивать пир на весь мир, надевать белое платье, фату, выслушивать торжественные речи гостей, сулящих ей долгую, счастливую жизнь с очередным избран-

ником.

Ясно же, что примерно через двенадцать месяцев после гулянки она примчится в Ложкино, кинется на диван и, рыдая во весь голос, заявит:

– Колька сволочь! Развод и девичья фамилия.

Ли́ка настолько безголо́ва, что каждый раз меняет фамилию. Последнее время это доставляет ей кучу неприятностей. Во многих анкетах, которые приходится заполнять в разных ситуациях, имеется графа: «Изменяли ли фамилию?» Честная Ли́ка злится, пытаясь втиснуть в узкое пространство необходимые сведения – с Ковалевой – на Ермолу, потом на Шлыкову, Шелатунину, Аржанникову, Нистратову, Солодко.

– Идиоты, – шипит она, – не разрешают на полях писать. Каким местом думал тот, кто разрабатывал анкету? Почему так мало пространства запланировал для ответов?

Бесполезно объяснять Ли́ке, что нормальная женщина меняет фамилию один раз, ну два, ладно, три раза в своей жизни. Ли́ке следовало остановиться на стадии Ковалевой или жить под своей девичьей фамилией, но она у нее, как на грех, очень смешно звучит – Подуйветер. А замуж Ли́ка каждый раз выходит навсегда, во всяком случае, она в это верит.

Поэтому я совершенно не удивилась, получив от нее приглашение на очередную торжественную процедуру бракосочетания.

В пятницу днем я, Маня и Зайка входили в ресторан «Ла-

комый кусочек». В качестве подарка мы притащили сервиз на двенадцать персон. Более чем традиционный презент, потому что наша фантазия уже иссякла. Мы дарили Лике в разное время постельное белье, столовое серебро, СВЧ-печь, стиральную машину, хрустальные фужеры...

– Надеюсь, нам дадут вкусно поесть, – шепнула Манюня, одергивая платье, – терпеть не могу юбки, как только другие в них ходят, вечно они задираются...

– А ты купи не в обlipку, а нормальный размер, – съехидничала Зайка, вертясь перед зеркалом, – все хочешь стройнее казаться, вот и обтягиваешься, между прочим, зря, тоньше выглядеть не станешь!

Я вжала голову в плечи. Так, сейчас начнется! Маруська налетит на вредную Зайку... Но Маня уже миновала период подростковой непримиримости. Изящно подняв одну бровь, она спокойно ответила:

– Да, наверное, ты права, нужно купить платье пошире, я расту безостановочно, в следующий раз возьму себе сороковой размер, кстати, Заюшка, ты какой носишь?

– Тридцать шестой, – с удовольствием ответила Ольга. – Позавчера приобрела это платье и очень довольна: из тридцать восьмого просто выпала.

И она продолжила процесс любования собой.

– Боюсь, ты фатально ошибаешься, – вздохнула Маня. – Не хотела тебя расстраивать, но ты толстеешь очень даже заметно, вон какие на боках жирные складки.

– Где? – в тревоге изогнула неправдоподобно тонкую талию Зайка.

– И размер этого платья сорок два.

– Ты с ума сошла! – подскочила Ольга. – Тридцать шесть!

– Да нет, сорок два! Посмотри на лейбл.

Зайка понеслась в туалет, Маня преспокойно принялась поправлять волосы. Через секунду растерянная Ольга возникла передо мной.

– Действительно, сорок два, но как же так? В магазине меня уверяли, что размер тридцать шестой...

– Так продавцы вечно стараются покупателям угодить, – невинно ответила Маруська, – вот и врут в глаза. Извини, но ты толще меня, смотри, на моей юбчонке, хоть она и впрямь чуток тесно сидит, висит ярлычок – тридцать восемь, а у тебя – сорок два.

– Кошмар, – пролепетала Ольга, – я этого не переживу.

Глаза Зайки начали наливаться слезами, я с подозрением взглянула на Маню. Ольга значительно изящнее своей золовки, что за чертовщина произошла с ярлыками – непонятно.

– Эй, все за стол садятся, – крикнул Виталий Кропотов, – хватит вам у зеркала вертеться. Ольга, чего такая грустная? Твоя дурацкая передача на телике наконец накрылась медным тазом?

– Типун тебе на все места, – подскочила Ольга, – мы цвеем.

– Значит, скоро заколоситесь, а потом сгниете, – удовле-

творенно подытожил Виталик.

Ольга сжала зубы и прошла в зал.

– Что ты сделала с ярлычком? – не удержалась я.

Маня захихикала.

– Я налепила возле слова «размер» цифры «четыре» и «два», знаешь, такие наклейки продают для клавиатуры компьютера.

– Зачем?

– Ой, мусик, – продолжала веселиться Маруся, – Зайка со своей диетой совсем свихнулась. На что угодно готова поспорить, она сейчас тут даже минералки не выпьет!

– Но ты ведь ей расскажешь про розыгрыш?

– Ага, завтра.

Я хотела было прочитать Маруське лекцию о любви к ближнему, но потом передумала. Ольга с Маней без меня разберутся. Честно говоря, они друг друга стоят – постоянные подколы, ехидство. А насчет диеты правда. Ольга похожа на ненормальную, она легко может спрятаться за лыжную палку, но тем не менее садится за стол с калькулятором, на котором сосредоточенно высчитывает количество потребленных калорий. Два листочка салата – это двадцать, чашка кофе без сахара – ноль, тостик с джемом... О, это ни за что! Тостик с джемом! Целых сто пятьдесят килокалорий, а в джоулях еще страшнее – почти пятьсот! И так во время каждой трапезы. Однажды Аркашка разозлился и отобрал у жены счетную машинку, но уже через час в руках Ольги по-

явилась новая.

– Банан прибавляет десять кило, – бормочет Зайка, отщипывая микроскопический кусочек от банана, – мм-м, как вкусно. Бывают же счастливчики, которые могут съесть это целиком!

Спорить с Зайкой, пытаясь переубедить ее, невозможно, поэтому каждый в доме избрал свою тактику.

– Слышь, Заяц, – сказал вчера вечером Кеша, – завтра в Москве обещают ветер, довольно сильный.

– И что? – насторожилась она.

– Возьми у Ивана в сарае два кирпича.

– Зачем? – недоумевала Ольга.

– Положишь в карманы, а то унесет ураганом, – захихикал муженек.

Ольга треснула супруга по голове журналом. Сегодня утром, когда она принимала ванну, Аркашка с неподдельной тревогой крикнул:

– Зайка, умоляю, не вынимай пробку!

– Почему? – жена опять попалась на удочку.

– Как бы в трубу не втянуло, – как ни в чем не бывало пояснил Кеша, – вылавливай тебя потом, отмывай...

Маруська тоже без конца издевается над бедняжкой, мечтающей иметь отрицательный вес, я демонстративно ем на ее глазах пирожные и конфеты, но самым изощренным оказался Дегтярев. В самом начале лета он принес Зайке подарок: очень красивую футболку, явно купленную в хорошем

магазине.

– Ну ты даешь, – взвизгнула Ольга, – где только взял!

Она мигом натянула вещичку и расстроено констатировала:

– Велика! На целый размер! Вот жалость-то!

– Не беда, – пробормотал полковник, – недельку поешь блинчики, и как раз станет!

После этих слов Маня, кашляя, вылетела в коридор, Кеша поперхнулся чаем, а я, глядя на красную от гнева Зайку и невинно моргающего Александра Михайловича, подумала, что приятель не так прост, как кажется.

Оставив бесплодные попытки причесать торчащие под разными углами волосы, я прошла в большой зал, уселась за длинный стол и попыталась принять участие в веселье.

Во главе стола сидела Лика, как всегда в таких случаях, на ней было белое платье и длинная фата, прикрепленная к голове с помощью венка из искусственных цветов. На мой взгляд, надевать на себя символ непорочности, когда чуть поодаль сидит двадцатилетний сын, немного нелепо, но Лика любит, чтобы на празднике все шло так, как надо. Нового супруга я видела впервые: худощавый дядька с красным лицом и шеей. То ли у молодого мужа проблема с давлением, то ли ему просто душно в костюме и рубашке с галстуком. Все-таки на улице почти тридцать градусов жары, за окном колышется знойный июль. Я бы в таком случае амнистировала

несчастливого парня, предложила надеть что-нибудь полегче, без тесного воротника, но Лика никогда не пойдет на компромисс. На свадьбе мужская часть только что созданной семьи обязана быть при полном параде, и точка. Хорошо еще, что Лика не стала настаивать на смокинге, к этому наряду полагается кушак, наматываемый на талию, и бедняга муж мог просто скончаться, не дожив до первой брачной ночи.

Если вы когда-нибудь бывали на свадьбах, то представляете, как разворачивалось действие: бесконечные крики «горько!», тосты, вручение подарков, танцы...

Под конец я безумно устала и мечтала лишь об одном: скорее оказаться дома, в своей кровати. Впрочем, похоже, притомились и остальные гости, жених отчего-то помрачнел и сидел с недовольным видом, наверное, на Евгения так подействовал алкоголь. Одна Лика казалась свежей и беспечно веселой.

Кое-как досидев до конца церемонии, я вернулась в Ложкино и упала в постель, подпихнув себе под бок мопса Хуча.

Пробуждение было внезапным.

– Я его убью, – завопил Хуч, наваливаясь на меня, – убью, прямо сейчас!!!

Спросонья мне показалось, что Хучик вырос и превратился в огромное существо, отчего-то отвратительно пахнущее духами «Пуазон». Я очень люблю французскую парфюмерию, но от приторно-сладких ароматов начинаю задыхаться.

Кашляя, я села на кровати, кое-как разлепила глаза и уви-

дела Лику, колотящуюся в истерике. Чихающий Хучик медленно удалился в сторону коридора, мопс тоже не выносит запаха «Пуазона».

– Отчего ты у нас? Что случилось? Где Евгений? – принялась причитать ворвавшаяся в спальню Зайка.

Она собиралась на работу и сейчас выглядела довольно комично: на Ольге были элегантные темно-синие брючки, а сверху пижамная куртка, один глаз накрашен, второй нет, и облако белокурых волос стоит дыбом.

– Не смей произносить при мне это имя, – свалилась на кровать Лика, – забудьте все про него!

Я встала на ноги, пару раз чихнула, потом закрыла окно, включила кондиционер и осторожно спросила:

– Вы поругались?

– Кретин, – взвыла Лика, зарываясь лицом в мою подушку, – урод...

Я вздохнула. Уютное пуховое одеяло и подушку теперь придется отдавать в химчистку, они небось насквозь пропахли «Пуазоном». Странно, однако, что сотрудники всемирно известной фирмы «Диор», придумавшие когда-то такие замечательные ароматы, как «Диориссимо», «Диорелла», «Дольче вита» и иже с ними, выпустили серию абсолютно гадостного парфюма. Или он только мне кажется таким? Вон Лике нравится, она выливает на себя по полпузырька за раз.

– Я развожусь, – неожиданно спокойно заявила Лика.

– Уже? – в один голос воскликнули мы с Зайкой.

Потом Ольга, чихнув пару раз, добавила:

– Но ты же с ним прожила всего один день!

– В законном браке, прошу заметить, – напряглась Лика, – до этого полгода провели вместе! Урод!

– Знаешь что, – вмешалась я, – не пори горячку. Вы поругались, такое бывает. Посиди у нас, давай вместе сходим погулять, пообедать, потом поедешь домой, и все уладится.

– Развод, – каменным голосом отчеканила Лика. – Произошедшее было трагической ошибкой с моей стороны!

– Подумай, – попыталась воззвать к ее разуму Ольга, – тебе опять придется менять фамилию.

– Ерунда, – отмахнулась подруга, – в паспорте, правах и прочих ксивах я пока Солодко, всего сутки после бракосочетания прошли...

– Как-то странно выйти замуж на один день, – пробормотала Зайка.

– Может, объяснишь нам, отчего решила бросить Евгения? – я попыталась разобраться в ситуации.

Лика зарыдала:

– Он мне изменил, ушел к другой!

– Когда? – снова хором спросили мы с Ольгой. – Когда он успел обратить внимание на другую бабу?

У меня слегка закружилась голова. Работающий во всю мощь кондиционер не избавил воздух от удушливого аромата «Пуазона». Может, у Лики реактивный психоз? Случается

такое с людьми, попавшими в форс-мажорные обстоятельства. Ну ехал, к примеру, шофер по набережной, не справился с управлением, свалился в реку, и милиция выловит из воды обезумевшее, неадекватное существо. Вот и Лика, перенервничала на свадьбе... Хотя с чего бы ей волноваться на очередном бракосочетании? Дело для нее привычное.

– Вчера вечером Евгений влюбился в какую-то дрянь, – сообщила Лика и высморкалась в край моего пододеяльника, – в крашеную кошку, отвратительную бочку сала, мерзопакостную, жопастую, кривую...

– Стой! – взвизгнула Ольга. – Немедленно расскажи все по порядку!

Продолжая размазывать сопли по моему постельному белью, Лика начала сумбурное повествование.

Глава 2

С самого начала их роман с Евгением развивался не так, как хотелось Лике. Она, несмотря на зрелый возраст, сохранила способность влюбляться, и все ее браки разваливались потому, что Лика просто в очередной раз теряла голову и кидалась в омут страстей. Ее любовники, превращающиеся затем в мужей, выглядели на удивление одинаково: высокие, стройные, светловолосые мужики. Да и по характеру парни оказывались похожи: в основном спокойные, работающие в различных учебных заведениях и НИИ. Самое интересное, что все романы протекали по одному сценарию. Придя на работу к своему мужу, Лика встречала там его коллегу или знакомого и мигом снова влюблялась. После заключения очередного брачного союза Лика с жаром принималась за «строительство» карьеры нового супруга. Заставляла того защитить диссертацию и... натыкалась на новый объект страсти, которого безотлагательно начинала подталкивать к написанию кандидатской работы. На месте председателя Всероссийской аттестационной комиссии, организации, которая подтверждает право на научное звание, я бы выдала Лике диплом или другую какую бумагу со словами: «Награждается за помощь в развитии отечественной науки». Вы хоть представляете, как трудно заставить мужчину регулярно садиться за письменный стол? Так вот, Лика вырасти-

ла то ли шесть, то ли семь кандидатов наук.

Было еще одно качество, объединявшее ее супругов. Они не имели денег, подчас вообще никаких, и Лика старательно зарабатывала рублики, одевая и обувая любимого. Ее можно было обвинить в чем угодно, кроме корысти. К звонкой монете Лика относится легко, без сожаления тратит заработанное и никогда не убивается по поводу опустевшего кошелька. Слава богу, что у нее был только один ребенок – Юра, которого Лика воспитывала как умела. Несмотря на калейдоскоп пап, парень вырос абсолютно нормальным, может быть, только чересчур молчаливым, но при крайне болтливой, суетной маменьке иной мальчик просто бы не выжил. Сколько его помню, Юра всегда сидел в углу с очередной толстой книжкой.

Месяцев семь назад Лику зазвала к себе в гости Верка Карапетова и сказала:

– Хватит тебе медные копейки считать, дело к старости идет.

– С ума сошла? – возмутилась Лика. – Я еще совсем молодая.

– Это тебе только так кажется, – не сдалась Верка. – И потом, толстая сберкнижка хороша в любом возрасте. Значит, так, я нашла тебе отличного жениха.

– Я замужем, – напомнила Лика.

– Ну и что? – удивилась Вера. – Разведешься, эка невидаль. Евгений очень богат и одинок, знатная партия, сегодня

вечером идем в ресторан, изволь быть в тонусе.

Лика слегка посопротивлялась, но спорить с Карапетовой невозможно: если Верка вбила себе в голову идею, ее не остановит ничто, пока задуманное не воплотится в жизнь. В результате Лика дрогнула и оказалась в трактире.

Предполагаемый жених разочаровал ее сразу. Дядечка был невысокого роста, совсем иной типаж, чем предыдущие Ромео. Лика поела, разрешила довезти себя до дома и решительно отказалась от следующего свидания. Очевидно, кавалер пожаловался Верке, потому что та позвонила Лике и завопила:

– С ума сошла, кретинка! У Жени загородный особняк, квартира, машина, бизнес...

– Он мне не нравится, – возразила Лика, – не задел струн моей души!

– Тоже мне, блин, балалайка нашлась, – разъярилась Верка, – ну и что получила, всю жизнь влюбляясь? Да у тебя ботинок приличных нет, рвань одна. На себя наплевать, о парне подумай, приятно ему в секунде одеваться? А квартира? Да твоя двухкомнатная трущоба отвратительна!

Лика тяжело вздохнула и пообещала подумать. Определенная доля правды в словах Верки была, и Лика согласилась встретиться с Евгением еще раз. Через месяц она развелась с очередным мужем и стала обожать Женю. Пусть мужик черноволос, мал ростом и некрасив, наплевать на намечающуюся лысину и вставные зубы, все искупало поведение Евге-

ния. В кратчайшие сроки он засыпал Лику невиданными подарками: купил ей гору одежды, литры духов и килограммы золотых украшений, не остался без внимания и Юра. Из заштатного, не известного никому пятисортного вуза он был переведен в МГУ, да не куда-нибудь, а на супермодный факультет психологии. А еще у парня появилась новенькая серебристая «десятка».

Период ухаживания завершился свадьбой. В день бракосочетания влюбленная, счастливая Лика получила несколько неприятных щипков. Во-первых, когда она под звуки марша Мендельсона, уже в качестве законной супруги, шепнула Евгению: «А теперь подхвати меня на руки и вынеси из зала», то получила ответ шепотом: «Нет, давление подскочило, и поднимать тяжести не могу».

Лика сначала обиделась, но потом решила не обращать внимания на «фо па»¹ новоиспеченной половины. Затем Евгений, по-прежнему ссылаясь на нездоровье, отказался на руках отнести жену к машине, но самый сокрушительный удар невесту ждал впереди. Когда роскошный «Мерседес» доставил Лику в номер отеля, где молодожены предполагали провести первую брачную ночь, в комнате, уставленной бесчисленными вазами и корзинами с розами, возле столика, где в серебряном ведре во льду мерзла бутылка шампанского, между ними состоялся очень неприятный разговор.

– Извини, дорогая, – заявил Евгений, – но я полюбил дру-

---

¹ «Фо па» с французского – ложный шаг, ошибка, неправильное поведение.

гую.

Ли́ка чуть не выпала из роскошного кресла на не менее роскошный ковер. Ей показалось, что она ослышалась.

– Что ты имеешь в виду? – спросила новобрачная.

И тут муж разразился целым спичем, чем больше Ли́ка его слушала, тем сильнее обалдевала. Можете себе представить, до какой степени она была удивлена, если ни разу не перебила Евгения, а выслушала его до конца? Он же с самым спокойным видом говорил ужасные вещи.

– Понимаешь, у меня до тебя была жена, абсолютно безответственная особа, транжирка, страстная любительница брюликов. Она меня совсем не любила, зато обожала пользоваться моим кошельком.

В конце концов положение дойной коровы надоело Евгению, и он сумел, заплатив немалые отступные, развестись. Выбравшись из первого брака, он не торопился нацепить на себя новые узы. Естественно, у него были любовницы, но все они как одна в первую очередь обожали «платиновую» карточку VISA, а Евгения воспринимали как некоторое досадное приложение к милым сердцу долларам.

Ну а потом Верка Карапетова засучив рукава принялась за устройство личного счастья Евгения и подсунула ему Ли́ку.

Предлагаемая невеста понравилась ему сразу. Вполне симпатичная внешне и совершенно не алчная. Мало избалованная Ли́ка так обрадовалась плохеньким сережкам из самоварного золота, которые кавалер подсунул ей в качестве

лакмусовой бумажки, в виде своеобразного теста, что Евгений устыдился и тут же купил Лике бриллиантовые подвески.

Пообщавшись с Ликой полгода, Женя понял, что она вполне годится ему в супруги, и сделал предложение. Никакой страстной любви к ней он не испытывал, в голове был один расчет: эта супруга станет ценить его, уважать и будет благодарна за спасение из финансового болота. Наличие Юрия Женю не смущало. Во-первых, парень уже взрослый, а во-вторых, тихий, неизбалованный, настоящий «ботаник», от такого неприятностей не будет.

В день бракосочетания Евгений в самом радужном настроении явился в ЗАГС и стал принимать поздравления от гостей. Церемония была затеяна с размахом, более двухсот человек явилось с цветами и подарками.

Сначала они расписались, потом, пройдя буквально два шага, переместились в банкетный зал. Неожиданно к Евгению подошла абсолютно незнакомая молодая женщина и с радостной улыбкой бросилась ему на шею.

– Поздравляю от всей души, будьте счастливы, вы это заслужили. Вот, съешьте эту конфету, она особая, заговоренная на счастье.

Евгений машинально взял драже, которое девушка встряхнула ему на ладонь из яркой коробочки.

– Съешьте, – повторила она, – специально для вас экстрасенс поработал. Конфета принесет вам счастье.

Евгений усмехнулся, он не верил ни в какую чепуху типа заговоренных сладостей, но девушка, кстати, очень хорошенькая, настоящая красавица, блондинка, с яркими голубыми глазами и фарфорово-нежной кожей, умоляюще смотрела на него. Эта глупышка и впрямь была уверена, что конфета волшебная. Продолжая снисходительно улыбаться дурочке, Евгений сунул конфетку в рот. Лакомство мгновенно растаяло на языке. В тот же момент он уловил, что от незнакомки пахнет тонкими, немного странными духами, с каким-то щемящим душу ароматом. Женя слегка отстранился, взглянул на нее и понял, что перед ним стоит его мечта. Именно такой виделась ему когда-то в юности будущая супруга. Все в незнакомке было прекрасно: огромные темно-голубые глаза, светлые волосы, заплетенные в толстую косу, изящная фигурка и улыбка, нежная, легкая, открытая. Пока Евгений пытался прийти в себя, Лика дернула его за рукав.

– Ты чего остолбенел?

– А... так... – пробормотал он, с ужасом осознавая, что уже женат, и не на той, на какой хочется.

Свадебный пир понесся вперед, а на Женю словно опустился туман. Внезапно накатило раздражение: шумные гости, говорливая Лика. Господи, зачем он поторопился, отчего не прожил в гражданском браке годик-другой, почему опрометью бросился оформлять отношения с чужой ему женщиной?

Время от времени Женя наклонял голову и вдыхал аромат незнакомых духов, «осевший» на лацкан пиджака. Парфюм оказался необычайно стойким, и с каждым вдохом перед Женей возникало бесконечно милое личико с глазами-озерами. Лику он почти возненавидел.

Весь вечер Евгений искал глазами незнакомку. Но за столом сидела прорва народа, большую половину Женя не знал, это были бесконечные знакомые страшно общительной Лики. Впрочем, вполне вероятно, что таинственная красавица пришла с кем-то из его приятелей. В конце концов Женя позвал фотографа.

– Сними каждого, смотри не пропусти, потом разошлю людям в подарок карточки.

Бизнесмен решил просмотреть снимки, найти фото незнакомки и попытаться выяснить, кто она. Потом начались танцы, и пришлось вальсировать с Ликой, запах духов которой довел его почти до тошноты. Улучив минутку, новобрачный вышел покурить во двор и увидел прелестную незнакомку. Молодая женщина садилась в дорогую иномарку, ярко-красный двухдверный «Мерседес», за рулем которого сидел шофер.

Женя ринулся к своей мечте.

– Погодите! Как вас зовут?

– Зачем вам мое имя? – подняла бровь красавица.

– Просто интересно, кто же был у нас в гостях, – нашелся Женя.

– Настя, – ответила незнакомка.

– Дайте мне номер вашего телефона, – выпалил Евгений.

Она секунду строго смотрела на бизнесмена, потом, улыbnувшись, ответила:

– Ваше поведение выглядит странным.

На Насте было необычное платье – ярко-синее, даже васьиковое, из материала, больше всего напоминавшего кожу рептилии. Вместо воротника колыхался мех непонятно-го животного, тоже синий, но иного оттенка. Очевидно, Настя была кокеткой, она специально подобрала цвет наряда, который самым наилучшим образом оттенял ее огромные, в пол-лица глаза.

– Насколько понимаю, – без всякой улыбки заявила красавица, – вы только что связали себя узами брака с Ликой. При чем здесь мой номер телефона? Желаю счастья и долгих лет совместной жизни.

И она попыталась сесть в «Мерседес». Женя вцепился в ее руку.

– Умоляю, телефон.

– Я не завожу шашней с женатыми мужчинами, – отрезала Настя.

– А если бы я оказался свободен? – ухватился он за последнюю надежду.

– Зачем говорить о том, чего нет, – пожала плечами красавица.

– Но все же!

Неожиданно Настя улыбнулась, и Женя чуть не скончался на месте от нового приступа любви.

– Вы мне понравились, – тихо сказала она, – но давайте не будем об этом.

– Напишите телефон, я завтра разведусь, – в состоянии, близком к умопомешательству, заявил Евгений.

– Сначала распрощайтесь с женой, а потом поговорим, – не сдалась Настя.

– Но как я найду вас, став свободным человеком? – воскликнул Женя.

– Вы сначала им станьте, – отрезала Настя, и, юркнув в машину, она втянула в салон левую ногу. Евгений заметил у красавицы на лодыжке, чуть повыше щиколотки, небольшую татуировку, то ли бабочку, то ли птичку, более детально рассмотреть тату мешал красивый золотой браслет с колокольчиками, украшавший ее ногу.

– Какие у вас духи, – неожиданно вырвалось у мужа Лики, – просто сногшибательные.

Настя неожиданно открыла сумочку, вытащила оттуда яркую коробочку без всяких опознавательных знаков и вдруг сказала:

– Дайте руку.

Женя протянул ладонь. Девушка тряхнула коробкой.

– Держите, это мои любимые конфеты, – улыбнулась Настя.

Евгений послушно поднес руку к лицу, вновь проглотил

шоколадные драже и внезапно понял: либо он женится на Насте, чтобы всегда, каждый день, постоянно видеть ее, обнимать, спать с ней в одной постели, либо сойдет с ума. Никогда до этого, даже в ранней юности, он не испытывал такого приступа всеобъемлющей любви, он и не предполагал, что способен на подобное чувство.

Шофер завел мотор, и Настя умчалась. Евгений попытался запомнить номер машины, но все цифры отчего-то оказались заляпаны грязью, виднелись лишь буквы, три О. Очевидно, Настя была не из простых автомобилевладельцев.

Евгений вернулся в ресторан, он без конца подносил к носу ладонь, во рту остался странный вкус, и он окончательно перестал соображать, что к чему. Когда улыбающаяся Лика, облаченная в белые кружева, подошла к нему и взяла под руку, он чуть было не спросил у молодой жены:

– Кто вы такая?

Всю дорогу до гостиницы, пока супруга безостановочно болтала, рассказывала, как она перестроит загородный дом, Женя молчал, тупо глядя в окно. Мимо пробегали дома, мрачные, темные, с облупившимися фасадами. Гостиница неожиданно показалась отвратительной, номер купечески помпезным, двухспальная кровать, накрытая розовым стеганым покрывалом, пошлой. Цветы, стоящие вдоль стены, воняли болотом, а когда Лика решила поцеловать супруга, тот отшатнулся – от жены удушающе несло потом.

– Может, примешь ванну? – рывкнул Женя, чувствуя, как от обилия неприятных запахов начинает раскалываться голова.

Ли́ка захихикала:

– Давай вместе!

Испытывая сильнейшее желание дать ей по физиономии, Женя, чтобы сдержаться, отвел глаза и наткнулся взглядом на ярко-синюю скатерть, которая мирно накрывала овальный столик, точь-в-точь такого цвета было платье на Насте. В ту же секунду он понял: ему наплевать на Лику, чихать на установленные нормы и абсолютно безразлично, о чем станут судачить знакомые.

– Я хочу развестись, – заявил он.

Ли́ка вытаращи́ла глаза. Радуюсь, что супруга не орет, не падает в обморок и не закатывает скандал, Женя рассказал ей про Настю и предложил:

– Завтра подаем заявление о расторжении брака. Извини за причиненные неприятности, я компенсирую тебе все моральные издержки, получишь хорошую сумму, куплю тебе квартиру, естественно, оплачу обучение Юры.

Ли́ка только хлопала глазами.

– А теперь прощай, – заявил новобрачный и пошел к выходу.

– Ты куда? – кинулась к нему жена. – Милый, ты пьян, ляг, поспи.

Женя легко отодвинул Лику и исчез. Бедная Ликуся пару

секунд просидела в оцепенении, потом принялась колотить вазы, из которых нагло торчали букеты. Если бы дело происходило в обычной гостинице, то на шум мгновенно сбегались бы другие постояльцы и представители администрации, но в «Сильвер Плаза» апартаменты, которые снял сам Евгений, назывались президентскими. Собственно говоря, это был целый этаж, самый верхний, с отдельным лифтом. Остальные жилыцы не имеют возможности даже случайно забрести туда. Обслуживающему персоналу велено ни во что не вмешиваться и только улыбаться тем, кто снимает комнаты стоимостью десять тысяч долларов за ночь. Пусть дорогой гость разнесет весь номер в клочья, ему просто с любезным поклоном представят счет. Поэтому Лику никто не остановил.

Выпуская пар, Ликуся металась по роскошным апартаментам, вконец обессилев, заснула на брачном ложе, похожем на ипподром. В шесть утра ее словно на пружине подкинуло вверх, рыдая от злости и обиды, она убежала из отеля и рванула к нам в Ложкино.

Глава 3

Выслушав рассказ, мы с Зайкой влили в Лику стакан коньяка, а потом уложили ее, мигом ослотившую, в кровать.

Ольга посмотрела на часы и, завопив: «Катастрофа, опаздываю!» – ринулась одеваться и докрашивать второй глаз.

Я побежала за ней.

– Делать-то теперь что?

Зайка влезла в тоненький красный свитерок и ответила:

– Найди Евгения и поговори с ним. Лика запросто могла его не так понять. И потом, вдруг он шутил?

– Кому же придет в голову устраивать подобные розыгрыши?! – возмутилась я.

Ольга схватила ключи от машины:

– В мире полно идиотов, мы же не знаем Евгения, вдруг он кретин? Во всяком случае, следует выслушать обе стороны, а уж потом подумаем, как утешать Лику. Кстати, не слышала, Антон Красков женился? Очень подходящая партия для нее.

– Да что ты, – замахала я руками, – сильно сомневаюсь, что в свете последнего бракосочетания Ликуся захочет опять затевать свадьбу.

– Ты плохо разбираешься в людях, – заявила Ольга и убежала.

Я спустилась на первый этаж, наткнулась на валяющуюся на ковре в холле сумочку Лики, поколебалась немного, по-

том открыла ее, вытащила записную книжку, нашла нужный телефон и набрала номер.

– Абонент находится вне действия сети, – заявил бесстрастный женский голос.

Значит, это мобильный аппарат. Никаких других цифр на строчке не было. Я решила пойти в столовую и спокойно выпить кофе, но тут раздался звонок.

– Дарья Ивановна, – воскликнул незнакомый голос, – это из Ветеринарной академии беспокоят.

– Что случилось? – испугалась я.

– Не волнуйтесь, – стала успокаивать меня женщина, – ваша дочь Маша сейчас должна находиться на занятиях в кружке «Юный ветеринар»...

– Да, – перебила я ее, – а в чем дело?

– Похоже, она заболела, температура поднялась, тошнота.

– Уже еду! – выкрикнула я и, забыв причесаться, полетела в гараж.

Маруська лежала на диване, около нее с встревоженным лицом стоял Федор Сергеевич, милейший дядька, руководитель кружка. Маня ездит в академию не первый год, и я великолепно знаю Федора Сергеевича. Он замечательный педагог, искренне влюбленный в свое дело, но человек он со странностями.

Увидав меня, преподаватель заявил:

– Родись девочка собакой, я четко поставил бы сейчас диагноз: пищевое отравление.

– Отчего вы пришли к такому выводу? – спросила я, глядя на бледную молчаливую Маню.

Похоже, дело плохо. Даже с очень высокой температурой девочка, как правило, болтает без умолку. Если Машка потеряла дар речи, надо немедленно вызывать «Скорую помощь».

– Тошнота, переходящая в рвоту, – принялся перечислять симптомы Федор Сергеевич, – озноб, бледность кожных покровов...

– Шаурма, – еле-еле выговорила Маня.

– Что, котенок? – наклонилась я над ней.

– Съела утром, перед занятиями, шаурму из курицы, – прошептала Машка, – очень захотелось, купила в ларьке перед школой.

Я схватилась за телефон. Шаурма из курицы, да еще приобретенная на улице! Тут возможно все, что угодно, – от сальмонеллеза до холеры.

Федор Сергеевич всплеснул руками:

– Марья! Как ты могла! Сlopать бог весть какую гадость, приготовленную грязными руками! Ни одна собака, я имею в виду, конечно, животное при хозяине, не позволит себе подобного.

Маня молчала, потом она прошептала:

– Дайте тазик.

Я мигом протянула ей эмалированный лоток, стоявший около дивана.

– Вот! – укоризненно сообщил Федор Сергеевич. – Вот до чего доводит беспечность, помноженная на глупость. Теперь, проанализировав последствия, ты, Маша, обязана сделать правильные выводы.

Я вздохнула, все-таки педагоги странные люди, используют любой момент для чтения нудных нотаций. Нет бы просто пожалеть глупого ребенка да дать ему, пока не приехал доктор, стакан с раствором марганцовки, вместо этого он предлагает прямо сейчас начинать размышлять на тему о правильности поедания шаурмы, приготовленной в антисанитарных условиях. Девочка уже проглотила эту гадость, зачем ее сейчас поучать?

– Принесите марганцовку, – перебила я зануду.

Федор Сергеевич осекся.

– Дельная мысль! Сейчас.

Спустя пару минут передо мной возник стакан со светло-фиолетовой жидкостью и резиновая клизма-груша.

– А это зачем? – удивилась я.

Федор Сергеевич снисходительно улыбнулся.

– Следует набрать раствор в клизму и впрыснуть в ротовую полость, иначе как заставить животное выпить лекарство?

Нет, он все-таки сумасшедший. Машка-то не собака, не кошка и не коза.

– Выпей, котик, – попросила я.

Манюня покорно опустошила стакан и вновь схватилась

за лоток.

Дома мы оказались через сутки. «Скорая помощь» незамедлительно отвезла нас в больницу, где поставили диагноз: пищевое отравление.

– Ничего, – решил утешить Машку прибывший в клинику Дегтярев, – во всем плохом есть свое хорошее, ты же хотела похудеть, вот и потеряешь лишние килограммы.

В среду я привезла Маню домой и строго велела:

– Лежать в кровати до конца недели.

– Но почему? – начала сопротивляться девочка. – У меня ничего не болит.

– Доктор велел придерживаться постельного режима до субботы.

– Зачем? Мне же совсем хорошо.

– Надо.

– Объясни, зачем?

– Ну... так приказано.

– Чушь собачья, – заявила Машка, – еще аргументы есть?

Я поняла, что нет, и строго заявила:

– Не спорь.

– Трудно быть ребенком, – заныла Маруська, – всякий обидеть норовит.

– Хочешь, съезжу в город и притащу парочку дисков с фильмами?

– Ага, – кивнула Манюня, – сделай одолжение.

– Но ты за это будешь лежать.

– Непременно, даже не пошевелюсь, – кивнула дочь.

Я пошла во двор и была остановлена звонком.

– Эй, Дашка, – понеслось из трубки слегка сонное меццо Верки Карапетовой, – знаешь новость?

– Какую?

– Лика Солодко убила мужа.

Я уронила на пол ключи от автомобиля.

– Что?

– Лика Солодко убила мужа, – повторила Верка, – ну не дура?

– Ты врешь! – вырвалось у меня.

– Была бы охота! – обиженно воскликнула Вера. – Может, у нее рассудок помутился?

– Подожди меня, я сейчас приеду.

– Так я никуда не тороплюсь, – ответила Верка, – можешь не спешить. Евгений мертв, Лику арестовали, беги не беги, делу уже не помочь.

Примерно через час, попав несколько раз в пробки, я добралась до улицы Кислова и вбежала в грязный, заплеванный подъезд. К сожалению, Вера живет прямо около метро.

Близость подземки – огромное удобство для жителя мегаполиса, но одновременно и большое несчастье. Все местные маргиналы используют подъезд здания, где обитает Верка, в качестве туалета, никакие замки и домофоны не спасали от бомжей, ловко вскрывавших любые механизмы.

– Нет, ты прикинь, – тараторила Верка, – вот ужас! Совсем

Лица свихнулась, только свадьбу отыграла.

– Расскажи спокойно, по порядку, – попросила я.

Верка впихнула меня в комнату, усадила в очень неудобное, жаркое, велюровое кресло и затарахтела:

– Во дела, во дела! Она его в речку спихнула.

– Куда?

– В Москва-реку, плавать Женька не умел, потом парашут высокий, он сначала головой о камень стукнулся и пошел ко дну, небось сознание потерял.

– Когда это случилось?

– Вчера.

Верка плюхнулась в соседнее кресло и понеслась:

– И чем он ей не угодил? Живи да радуйся, так нет, столкнула в воду...

Поняв, что сейчас Карапетова пойдет по кругу, я спросила:

– Почему решили обвинить Лику?

Верка всплеснула руками:

– Свидетель есть. Дело происходило на набережной, понимаешь?

Я кивнула: а где еще оно могло разыграться, если Евгения сбросили в реку?

– Вечером ужас случился, – объяснила Верка, – но еще было не темно, и около того места, где произошла трагедия, стоит огромный щит из лампочек. Там недалеко казино расположено, и это их реклама, так что человеку все отлично

было видно.

– Кому?

Верка захихикала:

– На набережной жилой дом высится, на последнем этаже дедулька обитает, у него отличный бинокль имеется, дорогая оптика, произведенная на заводе Цейса. Дедуля по вечерам у окна наблюдательный пост занимает.

– Зачем?

Верка совсем развеселилась:

– Дедок один живет, скука его гложет, набережная в этом месте делает небольшой изгиб, машин тут мало ездит, пешеходы вообще не ходят, район, несмотря на центр, глухой, всего один дом и стоит. Зато имеется лавочка, на которой частенько устраиваются бездомные влюбленные. Вот дедок и поджидает развлечение. Парень с девушкой и не подозревают, что стали объектом слежки, а старичок рад-радешенек бесплатному кино. Конечно, он поступает некрасиво, но, с другой стороны, кому от этого плохо?

Слушая Верку, я реконструировала события. Значит, похотливый дедушка занял свой постоянный пост и тут же с радостью увидел парочку, которая приближалась к лавочке.

Дедуся замер в предвкушении, но любовники не стали целоваться, похоже, у них были иные намерения. Парочка оперлась на парапет, дед чуть не заплакал от разочарования, ну что за сволочи! Явились в место, предназначенное для сексуальных утех, чтобы просто почесать языками.

В бинокль наблюдателю было все видно.

Женщина вытянула вперед тонкую руку и стала показывать на что-то в воде. Мужчина перегнулся через парапет, и в это мгновение баба схватила его за ноги и толкнула вниз.

Все было сделано молниеносно. Дедушка едва не скончался, но бинокль не отпустил. Тем временем убийца быстрым шагом, не оглядываясь, удалилась.

Дедушка кинулся к телефону вызывать милицию. Он не назвал свое имя и фамилию, просто сообщил дежурной, что видел убийство. Наивный старичок и не предполагал, что его номер телефона высветился на экране. Через час к дедушке явились сотрудники МВД. Пришлось наблюдателю признаться в не слишком приличном хобби и подробно описать убийцу.

Несмотря на возраст, с памятью у пенсионера был полный порядок, и он отлично запомнил внешний вид незнакомки: среднего роста, худощавая, светлые волосы, одета в розовое платье с синими цветами. Наряд аляповатый, но сейчас бабы словно взбесились и натягивают на себя невесть что, он бы никогда не позволил своей покойной жене так вырядиться.

– Ну и что, – спросила Верка, – узнаешь прикид?

Ликин идиотский сарафан, который ей Вера из Турции привезла. Жуткая шмотка, просто отвратительная.

– Такой мог быть и не только у нее, – пробормотала я, – неужели это послужило основанием для ареста?

– Не знаю! – подскочила Верка. – Но ее повязали, значит,

она виновата.

Едва дождавшись вечера, я налетела на Дегтярева.

– Узнай по своим каналам, что с Ликой.

– Ладно, – хмуро кивнул Александр Михайлович, и дальше события потекли в Ложкине как всегда.

Сначала меня отругала Манька, которой я забыла купить фильмы, потом Зайка, сердито морща нос, гневно спросила:

– Кто курил в ванной комнате на первом этаже?

Вопрос абсолютно риторический, потому что в нашем доме сигаретами балуюсь только я. Остаток дня домашние посвятили чтению лекции на тему «Курить – здоровью вредить».

На следующий день вечером, едва по ОРТ началась программа «Время», появился полковник и сообщил:

– Все.

– Что? – подскочила я.

Александр Михайлович пожал плечами:

– Лика призналась. Они договорились с Евгением о встрече, он пришел, подтвердил, что твердо намерен развестись, и она его столкнула в воду.

– Господи, – ужаснулась я, – да Ликуська с ума сошла.

Дегтярев вытащил из кармана носовой платок, вытер лоб и устало продолжил:

– Говорит, ничего не помнит, была в состоянии аффекта.

– Но тогда ее должны отпустить! – радостно воскликнула я. – Временное помрачение рассудка избавляет от нака-

зания.

Полковник крикнул:

– Не пори чушь, она останется в СИЗО до суда.

Я опять перепугалась:

– И что мы можем для нее сделать?

– Практически ничего, только поддержать морально.

Я уставилась на приятеля, потом очень осторожно спросила:

– Может, того, самого... ну, в общем, денег дать следователю?

Александр Михайлович побагровел, но не стал орать, а довольно спокойно парировал:

– Уже не поможет, взятки раньше суют, до того, как предъявлено обвинение. Единственно, чем могу посодействовать, так это сделать так, чтобы дело Лики рассмотрели в суде быстро, ну, к октябрю, допустим. В СИЗО очень плохо, на зоне, как тебе это н и покажется странным, лучше.

– Ничего себе быстро! – ахнула я. – Октябрь когда еще будет!

Дегтярев шумно вздохнул:

– Ты просто не в курсе того, сколько времени человек проводит в изоляторе, дожидаясь решения своей судьбы, год может париться на шконках.

– Год?!

Александр Михайлович кивнул:

– Ага, а потом начнется бодяга. Судебное заседание отло-

жат или найдут какую-нибудь ерунду и перенесут процесс на полгода.

– На полгода? – подскочила я. – Какой ужас!

Дегтярев налил себе чай и принялся размешивать сахар, мерно стуча ложечкой о чашку.

– Время идет, а Лика будет сидеть в душной камере, в компании не слишком приятных товарок. Ладно, я подсуе-чусь немного, жаль мне ее, очень жаль, но преступник должен быть наказан.

«Вор должен сидеть в тюрьме», – всплыла в моей голове фраза.

Александр Михайлович не подвел. 1 октября Лику осудили, причем сделали это очень быстро, в одно заседание. Уж не знаю, каким образом Дегтяреву удалось уговорить судью, страшно противную по виду тетку лет пятидесяти, с маленькими злобными глазками и тонкими губами, сжатыми в нитку.

Мы всей семьей явились в зал заседаний, впрочем, народ там и без нас толкался, а когда конвойные ввели бледную, слегка похудевшую Лику, присутствующие фоторепортеры мигом бросились к скамье подсудимых, стоящей в клетке. Евгений был достаточно известен в мире бизнеса, и его смерть, да еще от руки жены, страшно обрадовала борзописцев, получивших повод для новых статей.

Процесс произвел на меня самое тягостное впечатление.

Удручающе выглядело все: обшарпанный зал заседаний, толпа корреспондентов, знакомые Лики и Евгения, прибежавшие на суд, чтобы утолить любопытство, злобно прерывающая всех судья, отвратительно правильный прокурор, тарахтящая, словно погремушка, адвокатша, девочка-секретарь, все время ковырявшая в носу, запах канализации, невесть почему витавший в храме Фемиды, но самое жалкое зрелище производила сама Лика.

Подруга была одета в приличный костюм из твида и белую блузку. Волосы ее слегка отросли, выглядели чистыми и даже ухоженными, на лицо была нанесена косметика. Но когда Лика начала давать показания, у меня перевернулось сердце. Голос ее звучал глухо, словно она говорила из-под подушки, никакой эмоциональной окраски в речи не было.

– Да, – словно автомат говорила Ликуська, – да, встретились. Ничего не помню. Он предложил развод...

– Это все? – прищурилась судья.

– Да.

– Немного, однако. Не помните, как толкали гражданина Твердохлебова в реку?

– Да.

– Расскажите, как обстояло дело.

– Да, он предложил развод...

– Дальше.

– Не помню.

– Так помните или нет? – обозлилась судья. – Почетче

сформулируйте ответ.

– Да, то есть нет, а может, да, – растерянно сказала Лика и принялась безучастно скользить взглядом по толпе. Когда ее взор пробежался по моему лицу, я вздрогнула. Глаза Лики напоминали пуговицы, блестящие и абсолютно пустые.

– Нечего из себя сумасшедшую корчить, – разъярилась судья, – в деле имеется справка о вашей вменяемости. Неправильную тактику избрали, гражданка Твердохлебова, ваше поведение будет расценено как неуважение к суду.

Аркашка наклонился и с возмущением спросил:

– Где вы взяли для нее адвоката?

Я посмотрела на полную тетку, на лице которой играл климактерический румянец, и шепотом ответила:

– Не знаю, всеми вопросами занимались ее сын Юра и Вера Карапетова.

Потом начался опрос свидетелей. В зал бодро вошел старикашка, маленький, подпрыгивающий на каждом шагу, похожий на сморчок. Неожиданно голос у него оказался громким, даже зычным. Ничуть не смущаясь, дедуся рассказал про бинокль. Лику он рассмотрел великолепно, с памятью у дедка был полный порядок, и он бодро вещал:

– Платье такое приметное, с цветами, сумочка имелась, туфельки на каблучках. Красивая дамочка, приметная.

Адвокатша вяло попыталась сбить свидетеля, но дед с честью выдержал атаку.

– Да, я вижу отлично, даже очки не ношу, вон отсюда могу

прочитать, что у того парня на бейсболке написано: «Уес».

– Йес, – поправил его юноша.

– А вот языкам не обучен, – крикнул дедуля, – не владею басурманским, только русским.

– Значит, вы хорошо видели гражданку? – уточнила судья, постукивая по столу карандашом.

– Как вас, – закивал дедулька, – на ноге у ей повязочка была, аккурат до щиколотки.

– Вы в тот день поранили ногу? – повернулась судья к Ли-ке.

– Да, – растерянно ответила та, – а может, нет, не помню.

Приговор ошеломил всех – десять лет. Побледневшую еще сильнее Лику вывели из клетки, мы поехали домой. Всю дорогу Аркашка возмущался действиями адвокатши, а я сидела тихо. Какая разница, чего не сказала эта тетка, ну дали бы Ликуське восемь лет... Вряд ли ее оправдали бы, дедулька просто, простите за дурацкий каламбур, убийственный свидетель, припомнил все, даже повязку на ноге. Внезапно в моей душе закопошилось сомнение: забинтованная конечность. Что-то было не так, но тут Зайка велела:

– Поехали в кондитерскую, очень хочется пирожных.

И я от удивления забыла все на свете.

Глава 4

Прошел месяц, в самом начале ноября я вынула из почтового ящика квитанцию на оплату коммунальных услуг, которые каждый месяц рассылает жильцам администрация нашего коттеджного поселка, и увидела самый обычный конверт, адресованный мне. Честно говоря, я удивилась. Уже давно все наши знакомые пользуются емейл или, если речь идет о приглашениях на свадьбы и вечеринки, присылают курьеров. Простого письма, с наклеенными марками, я не получала очень давно.

Из конверта выпал листочек в клеточку, изумившись еще больше, я развернула послание.

«Дорогая Даша, извини, что обременяю тебя, но обратиться больше не к кому. Вера Карапетова мне не ответила, но я не обижаюсь, как не обижусь, если не отзовешься и ты, мало кому хочется иметь дело с убийцей. Но все же, помня о наших давних дружеских отношениях, рискую попросить кое о чем. Здесь вполне можно жить, я работаю швеей. Одна беда, плохо с продуктами, не сочти за труд, собери для меня посылочку. Список разрешенных «вкусностей» прилагаю. И, если не затруднит, положи еще прокладки, любые, какие подешевле, тетради, ручки, в общем, там есть еще один список. Если решишь мне помочь, то привезти передачу надо пятого ноября, с восьми утра до часа. Лика.

Р.С. Кстати, здесь сломался телевизор, если купишь новый, начальство в знак благодарности разрешит свидание со мной, но на это я даже не надеюсь».

Чуть не зарыдав, я побежала в дом, на ходу читая списки: кофе, чай, сахар, какао, сливочное масло, печенье, тушенка... Будучи свободной женщиной, Лика увлекалась правильным питанием, не ела мясо, не употребляла ничего жирного, сладкого, острого, не пила кофе и демонстративно отворачивалась от какао.

5 ноября, ровно в восемь утра, я вошла в низенькое здание самого обшарпанного вида и сказала тетке в военной форме, сидевшей за решеткой с мелкими ячейками:

– Привезла по просьбе заключенной Солодко гуманитарную помощь, цветной телевизор.

– Солодко... – забормотала баба, – Солодко... вроде у нас такой нет.

Тут меня осенило, что Лика, выходя замуж за Евгения, как обычно, поменяла фамилию и пошла по этапу Твердохлебовой.

Очевидно, сотрудники колонии очень хотели получить новый «Самсунг», потому что они не только беспрепятственно взяли сумку с харчами, но и препроводили меня в маленькую комнату, обставленную с казенным шиком: стол, два стула, зарешеченное окно и портрет президента на стене.

Ждать пришлось довольно долго, но наконец что-то загрохотало, и в комнатухе появилась Лика. Я постаралась

сдержат слезы. На подруге был ватник, на ногах у нее красовались жуткие высокие ботинки, голову покрывал ситцевый платок. Но, несмотря на ужасный наряд, выглядела Лика не так уж плохо, на щеках играл румянец.

Несколько минут мы болтали ни о чем, потом я спросила.

– Ну как тут?

Лица сморщилась:

– Жить, оказывается, можно везде. В СИЗО хуже, здесь свободы больше, воздуха, вот кошку завела.

Потом, прочитав в моих глазах невысказанный вопрос, она продолжила:

– Юра не приезжает, он тотально занят, диплом пишет, а я и не прошу свиданий с ним. Очень хорошо все понимаю.

В ее голосе прозвучала такая тоска, что я не выдержала:

– Господи, ну зачем ты его убила?! Решил жить с другой бабой, и фиг с ним!

Лица тяжело вздохнула:

– Хочешь верь, хочешь не верь – ничего не помню.

– Как? Совсем?

– Ага, абсолютно. Свидание с Евгением, как сбросила его в реку...

– Вообще ничего из того дня в памяти не задержалось?

– Да нет, в первой половине дня я нормально себя чувствовала. Поспала у вас дома, поела, Ирка пирожками угостила.

– Дальше.

– Потом Евгений позвонил, попросил о встрече.

– Он к тебе сам обратился?

– Да мне бы и в голову не пришло набирать его номер после всего произошедшего.

– А потом?

– Суп с котом, – усмехнулась Лика, – провал. Очнулась дома на постели, полное ощущение, что спала. Вообще понять не могу, как до своей квартиры дотопала, ноги подламывались, руки тряслись...

– И?

– Все, потом пришли менты.

– Но такое невозможно! Ты ехала через всю Москву, на метро...

– Вроде я сидела в машине, – напряглась Лика, – а может, и нет. Был автомобиль, и вроде меня тошнило, голос слышала, чужой, наверное, шофера.

– И что он говорил?

Лика нахмурилась:

– Бу-бу-бу... сердился.

– Отчего?

Подруга напряглась:

– Сейчас... постараюсь вспомнить... вертится в голове... а! «Сейчас она тут наблюдает, открой дверцу, салон измажет, вот сука». Или примерно так.

– Значит, ты взяла такси, в котором сидели еще пассажиры?! – удивилась я. – Шофер же с кем-то разговаривал.

– Небось со мной, не помню, сплошной туман.

– Интересно, – пробормотала я, – дед видел машину?

– Какой?

– Ну тот, с биноклем!

– Старик Козлодоев, – хмыкнула Лика.

– Это его фамилия? – улыбнулась я.

– Да не помню, как звали дедушку, – отмахнулась Лика, – суд еле выдержала, тоже туман, но уже в меньшей степени, хоть говорить смогла. Не веришь, я в СИЗО все время спала: утром, днем, ночью. Повезли на суд: язык во рту еле-еле ворочается, как будто в киселе плыву, звуки еле к ушам пробиваются, где уж тут фамилию дедка упомянуть. Старик Козлодоев – это из песни Гребенщикова, помнишь? «По крыше сползает старик Козлодоев...» Или Козлодуев, в общем, козел.

– Козел-то козел, – вздохнула я, – а на зону тебя своими показаниями отправил, все припомнил, даже повязку на ноге.

– Знаешь, – буркнула Лика, – я ведь потом, уже тут, в бараке, когда окончательно в себя пришла, долго думала. Много странного, однако, в этой истории.

– Что, например?

– Ну хотя бы с повязкой. Зачем мне щиколотку заматывать?

– Может, поранилась.

– А вот и нет, – воскликнула Лика, – ни болячки нет, ни

шрама.

В моей голове медленно заворочались мысли.

– Ты уверена?

– Ну конечно, – кивнула она, – нога как нога, потом сарафан этот...

– А с ним что?

– Непонятное дело, – запоздало удивилась Лика. – Очень я удивилась, совсем уж дикая вещь. Ты мне не поверишь!

– Говори.

– Сама знаешь, я очень люблю этот сарафан, он мне так идет!

Я улыбнулась. На мой взгляд, вещь отвратительная: мешок на лямках самой аляповатой расцветки.

– Но в тот день, приехав от вас, я надела розовый льняной костюм, – пояснила Лика, – и отправилась на свидание к Евгению в нем. А вечером, когда очнулась в кровати, была в этом сарафанчике. Ерунда какая-то!

– Ты же ничего не помнишь!

– Ну вдруг в голове что-то всплывает. Нет, я абсолютно уверена: приехала из Ложкина и специально надела розовый костюм: Евгению нравились спокойные тона. Точно! До метро в нем шла, еще расстроилась, что юбку по дороге испачкала... Это помню.

– А с какого момента все забыла и куда подевался костюм?

– Юбка с жакетом в шкафу висели, – вздохнула Лика, – а с какого момента – не помню... Хрен его знает!

– Евгения ты видела?

– Не-а.

– Ну-ка, описывай все свои действия, шаг за шагом!

Ли́ка нахмурилась:

– Так. Скандал в гостинице, он ушел, я заснула, перебила там все на фиг и задрыхла, истерика у меня случилась, да и кто бы удержался...

– Давай не оценивать события, а просто выстраивать их.

– Ага, проснулась и поехала к вам, в Ложкино. Хряпнула коньяка, заснула. Потом очнулась, выпила кофе, тут Евгений позвонил: «Давай встретимся, в семь часов, на набережной».

– Странное место.

– Почему? Он там гулять любил, тихо, народу нет.

– Дальше.

– Домой помчалась переодеваться и сейчас абсолютно уверена, что надела розовый костюм. Понимаешь, подумала, что Евгений решил извиниться за вчерашнее. Честно говоря, я считала, что ему водка по мозгам дала, он много выпил на свадьбе, вот я и расфуфырилась в ожидании примирения.

– Немного странно, что он не заехал за тобой, а позвал на набережную.

– Ну... может, и так, – согласилась Ли́ка.

– Ладно, идем вперед.

– А некуда! Это все.

– Как?

– Так. Добралась до метро «Спортивная», вышла на пло-

щадь, там толпища, захотела воды купить, взяла бутылочку, и дальше провал.

– Ты воду пила?

– Да, сделала пару глотков.

– Значит, амнезия наступила не после убийства, а до него?

– Выходит, так, – растерянно ответила Лика. – Последнее, что помню: зубов у нее нет!

– У кого? – окончательно растерялась я.

– У продавщицы, – протянула Лика, – едва из метро вышла, девочка подбегает, знаешь, такая, с лотком на шее, и орет: «Берите кока-колу, сегодня бесплатно». Прямо в руки мне бутылочку сунула, сама пробку отвернула... А, точно! Костюм на мне был, розовый!

Лика вскочила и в ажиотаже забегала по комнатухе, натыкаясь на стены.

– Вот! Теперь абсолютно точно все вспомнила. Когда эта девица мне коку сунула, из горлышка выскочила пена и на юбку попала! Я еще расстроилась – пятно останется! Вот дура беззубая!

– Кто?

– Господи, Дашка, как с тобой тяжело, памяти никакой, – воскликнула Лика, – двух зубов у продавщицы не было, передних, верхних. Я еще подумала, надо же, молодая девчонка, студентка, а словно Баба-яга, ну неужели трудно рот в порядок привести, противно ведь!

– Дальше! – в нетерпении воскликнула я.

– Все, провал полный, словно одеяло накинули, – расстроено забубнила Лика, – вот странность.

– Ты газировку пила?

– Да.

Пару секунд мы смотрели друг на друга, потом Лика тихо спросила:

– Ты полагаешь, там было что-то? Типа снотворного?

– Очень похоже на то. Почему не рассказала следователю об этой ситуации?

– Объясняла уже, как в тумане была, ничего не соображала, словно заводная игрушка, та тоже ходить умеет, а соображать – нет, – огрызнулась Лика. – Ну и ну!

– Знаешь что, – я решительно встала со стула, – ты об этом никому не рассказывай, не нравится мне эта история и никогда не нравилась. Поверить трудно, что ты могла утопить Евгения.

– Мне самой дико! – прижала руки к груди Лика.

– Зачем тогда призналась?

– Не знаю! Не помню! Ну плохо соображала. Меня спрашивают, голова сама кивает.

Оставалось лишь удивляться, каким образом Лику посчитали вменяемой. Хотя наши специалисты по этой части не вызывают у меня никакого доверия. В годы советской власти именно сотрудники НИИ имени Сербского признали по указанию коммунистических властей многих диссидентов сумасшедшими и отправили их в психиатрические клиники,

где несчастных старательно «лечили» инъекциями и таблетками. В результате этих манипуляций кое-кто из бедняг и впрямь лишился разума. Самое интересное, что многие из этих «врачей» до сих пор трудятся в вышеназванном учреждении и даже считают себя доками в своем деле.

– Ты сиди спокойно, – продолжила я.

– У меня есть альтернатива? – хмыкнула Лика.

– Не дури, не пиши никому писем, не рассылай жалобы.

– Ага! – взвилась Лика. – Спасибо тебе, конечно, что приехала и заставила меня вспомнить, как обстояло дело, но я не собираюсь мотать тут срок. Меня опоили, я никого не убивала. Одно не пойму, зачем поменяли платье? Прямо сейчас пойду писать заявление!

Я покачала головой:

– Не глупи. Если дело обстоит именно так, как кажется тебе и мне, то не дам за твою жизнь и рваного доллара.

– Это почему?

– Потому, что некая личность, задумавшая и спланировавшая преступление, сейчас абсолютно спокойна. Она или он уверены, что ты ничего не помнишь, если начнется шум, пересмотр дела, пойдут круги по воде... Тебя обязательно убьют.

– И мне теперь сидеть тут десять лет! – взвилась Лика.

– Нет, давай я потихоньку разведую, что к чему, попробую отыскать эту студентку, торговавшую колой. Ну-ка, опиши ее еще раз.

Ли́ка насу́пилась:

– Худая, не стройная, а тощая, если понимаешь, что я имею в виду, на шее лоток висел, красный, на нем бутылочки теснились... Ты чего, не видела таких? Вечно у метро толкуются.

– Приметы у нее какие?

– Зубов нет.

– Все? Волосы, глаза, рост...

– Вроде черненькая, – призадумалась Ли́ка, – а может, рыженькая, глаза вообще не помню, рост... Ой, не знаю. Я ведь ее не разглядывала, вот что двух передних кусалок нет – отметила, а остальное как у всех. Нет, гиблое дело, не найти девчонку.

– Спокойствие, главное – спокойствие, – пробормотала я, – по улицам не бегают штатные сотрудники компании.

– Вот видишь, – подытожила Ли́ка, – совсем кирдык! Куковать мне тут до морковкина заговенья.

– Крутые фирмы нанимают для работы на улице, как правило, студентов, – принялась я размышлять вслух, – с ними удобно, готовы целый день прыгать на морозе или париться от жары за крохотное вознаграждение, потом молодые люди приветливы, товар всовывают с улыбкой, им не противно с лотком мотаться, даже весело.

– Ну и что? – перебила меня Ли́ка. – Может, все оно и так, как ты говоришь, только мы же не знаем, в каком вузе учится беззубенькая.

– Вот, – подскочила я, – об этом и речь. Во всякой фирме имеется бухгалтерия, а там, на полочке, лежат документики с подписью тех, кто получил денежки. Дело-то простое. Сначала выясню, кто работал 17 июля у метро «Спортивная», ну из какого вуза были ребятки, а потом съезжу, порасспрашиваю их. Навряд ли там все девочки без зубов.

Внезапно Лика вцепилась в мое плечо:

– Дашка, вытащи меня отсюда! Умоляю.

– Очень постараюсь, только ты сиди тихо-тихо, а если кто пристанет с вопросами, отвечай по схеме: ничего не помню, не знаю, была в состоянии шока.

Лика судорожно заплакала:

– За что? Никому в жизни я не сделала зла. До сих пор у меня не имелось врагов.

Я погладила ее по голове.

– Ладно, успокойся, все будет хорошо.

Лика открыла было рот, но тут на пороге появился конвойный, кашлянул, глянул в мою сторону и заявил:

– Свидание закончено.

Лика покорно шагнула в коридор.

– Не волнуйся, – крикнула я, – буду приезжать каждый месяц, привозить еду и книги!

Ликуська обернулась, но ничего не сказала, ее глаза начали медленно наполняться слезами.

– Давай двигай, – велел парень в форме.

Лика молча виновалась. Я подошла к зарешеченному

окну и увидела, как она, сгорбившись и опустив голову, бредет по узкой заасфальтированной дорожке, проложенной между рядами колючей проволоки. Под увиденной картиной следовало поместить подпись: «Отчаяние».

В моей душе заколыхался гнев. Обязательно найду режиссера-постановщика и добьюсь того, что мерзавец так же поковыляет в барак.

Вернувшись домой, я увидела в прихожей два огромных, похожих на танки, ботинка.

– Только не говори, что у нас опять гости! – налетела я на Ирку, меланхолично чистящую обувь Аркашки.

Домработница отложила щетку. К слову сказать, Кеша – любимец нашей прислуги. Катерина, собираясь готовить обед, непременно выяснит у сына, что бы их высочество хотели откусать. Есть блюда, которые страстно люблю я, допустим, молочное желе, но попробовать лакомство мне удастся лишь тогда, когда Аркашка отбывает в командировку, потому что сын терпеть не может молочные продукты, и Катерина не покупает сливки, кефир, ряженку... Зато куриное мясо присутствует у нас в рационе во всех видах, вместе с гадкими стручками зеленой фасоли, которую наш адвокат способен харчить килограммами. Ирка с особой тщательностью убирает кабинет хозяина. Но, оказавшись в моей комнате, домработница, вытерев пыль на столе, ничтоже сумняшеся сваливает назад все кулем, вперемешку. И я потом, чертыха-

ясь сквозь зубы, пытаюсь найти нужные бумаги. Сколько раз просила ее быть поаккуратнее – без толку. Зато документы, находящиеся в кабинете у адвоката, оказываются нетронутыми, а пыль протертой. При этом учтите, что я дарю Ирке подарки, а Кеша постоянно над ней посмеивается.

– И чего на меня сердиться! – уперла Ирка руки в боки. – Не ко мне же едут!

– Так кто-то приехал? – в ужасе воскликнула я.

– Это вы у Дегтярева спросите, – не дрогнула домработница, – он привел.

Вне себя от злости, я рванула дверь столовой и увидела домашних, сидевших вокруг длинного стола с раскрытыми ртами – все слушали Аркадия.

– Вот представьте, – сверкая глазами, вещал Кеша, – на скамье подсудимых некий Ковров. Причем, прошу отметить, за плечами у моего подзащитного куча ходок, он вор со стажем.

Я тихонько села на свое место. Так, судя по страшно довольному лицу сына, он выиграл дело и теперь хочет сорвать аплодисменты еще и от членов семьи. Ладно, пусть похвастанется, потом разберусь, что это за огромный дядька самого отвратительного вида восседает около Александра Михайловича.

– Ну процесс идет, – вещал Кеша, – все ясно как на ладони. Этот Ковров после очередного освобождения следовал в славный город Владимир. По дороге высадился в Москве,

доехал до магазина «Детский мир», где попытался спереть спортивные штаны российского производства, вещь страховую и покупателей не интересующую. Его поймали в тот момент, когда рука со штанами оказалась над прилавком. Есть свидетельница, которая верещала: «Видела-видела, рука с брюками на прилавке лежала!»

Кеша обвел всех присутствующих взглядом.

– А судья у нас – Ковалева Анна Филимоновна!

– Да уж, – покачал головой Дегтярев, – не человек – автомат.

– Я бы сказал – крокодил, – усмехнулся Кеша. – Значит, я весь процесс из себя кретина корчу. Сижу улыбаюсь, глаза выпучил, во время речи прокурора головой качаю. Одним словом, редкостный придурок.

– А зачем ты кретина изображал? – влезла Маня.

Кеша довольно засмеялся:

– Вот, правильный вопрос! А специально, чтобы Анна Филимоновна расслабилась и подумала: «Адвокат дурак, от такого подлянки не жди».

– И она так решила? – не успокаивалась Машка.

– Наверное, – хихикнул Кеша. – Я очень убедительно играл. Потом наступает мой черед, я встаю и заявляю: «Подзащитный, вы признаете себя виновным?»

– За такой вопрос адвокату следует оторвать голову! – оторопел Дегтярев.

– Ага, – радостно кивнул Кеша, – а за тот, который я задал

следующим, еще и ноги в придачу.

– И что ты спросил? – заинтересовалась я.

– Может, дадите рассказать, как было дело? – гордо ответил Аркадий.

Александр Михайлович поперхнулся и закашлялся, Кеша стукнул полковника по спине и продолжил:

– И тут Ковров начинает: приехал в Москву, пошел в магазин, спер штаны, вышел на улицу и увидел плакат «Все лучшее – детям». Внезапно в закоренелом уголовнике проснулась совесть. «Ковров, – сказал он сам себе, – ты, падаль, у малолеток воровать начал». И пошел ворюга назад, чтобы положить спортивные брюки на место. Начал выкладывать штаны на прилавок, и тут его схватили за руку.

– И чего Анна Филимоновна? – протянул Дегтярев.

Кеша в полном восторге схватил бутылку минеральной воды.

– Как заорет: «Перерыв!» Только ничего не вышло, дело-то вывернулось, свидетельские показания теперь обеляют моего Коврова. Да, продавщица видела его и схватила за руку, но только не в момент кражи, а в секунду решительного и окончательного раскаяния!

– И чем дело закончилось? – отложила вилку Маня.

– Мой Ковров получил условный срок, – гордо ответил Кешка. – Не поверите, он рыдал! Совершенно не ожидал такого финала, хотя я ему говорил: слушайся меня – будет все в шоколаде. Но самое главное! Анна Филимоновна уже по-

сле процесса столкнулась со мной в коридоре и сказала...

– Молодец, Кеша! – перебила его Маня. – Она тебя похвалила.

Сын и Дегтярев засмеялись.

– Да уж Ковалева может похвалить, – снова закашлялся Дегтярев.

– Она мне заявила, – торжественно произнес Аркадий: – «Воронцов, вы прощелыга, жаль, не попались мне лет тридцать тому назад, когда наш советский суд был судом, а не цирковой ареной, где выступают подобные вам клоуны».

– Считай, она тебе медаль выдала, – натужно кашлял Александр Михайлович.

Кеша раздулся от гордости.

– Вы уверены, что она его похвалила? – с сомнением спросила Машка. – Похоже, наоборот, отругала.

– Так это и есть похвала, – пояснил Дегтярев, – начини Анна Филимоновна адвоката комплиментами осыпать, тогда все.

И он снова принялся кашлять. Кеша снова похлопал полковника по спине.

– Выпей воды, – велела Зайка.

– И не разговаривай с набитым ртом, сначала прожуй пищу, – посоветовала Маруська.

Дегтярев вытер выступившие слезы салфеткой:

– Простудился, видно. Температуры нет, а кашель бьет.

– Надо «Колдрекс» принять! – воскликнула Зайка.

– Фу, – скривилась Машка, – таблица Менделеева в одном стакане, вот уж гадость! Мусик, что ты мне давала? Такие простые большие белые таблетки, наши, отечественные.

– Наши производители жулики, – вступила Зайка, – они людей на своих предприятиях заставляют работать по двадцать часов, а платят им медные гроши.

– Но их лекарства дешевле импортных, – заявила Маня. Полковник начал опять грохотать.

– Дай ему «Колдрекс», – повернулась ко мне Зайка, – банановый самый вкусный.

– Меня стошнит, – ухитрился сообщить между приступами кашля Дегтярев, – все, что угодно, только не с ароматом банана.

– Принеси ту белую таблетку, – попросила Маня.

– Нельзя поддерживать наших! – взвилась Зайка. – Это непорядочно, мы должны решительно осудить олигархов.

Маня покраснела.

– Ага, а сама вчера смотрела по телику сериал «Заколдованная душа»!

– Ну и что? – изумилась Зайка.

– Да всем известно, что деньги на его съемку дал Березовский, – торжествующе заявила Маруська, – а Березовский вообще всю Россию разворовал!

– Послушайте, – прервал их Аркадий, – давайте прикроем этот стихийно возникший в нашем доме филиал Государственной думы и дадим бедному Дегтяреву лекарство, а то

он сейчас желудок выкашляет.

Я побежала к аптечке, нашла нужную упаковку, принесла в столовую и сказала:

– Не о чем спорить, это средство произведено в Венгрии.

Александр Михайлович сунул белую облатку в рот и скри-
вился:

– Щиплется.

– Ты не соси, а глотай, – приказала Маня, протягивая пол-
ковнику чашку с минеральной водой. – Ну, быстро.

Полковник молча повиновался.

– Если вся страна откажется покупать продукцию «Фе-
рейн», – продолжала негодовать Зайка, – от Брынцалова да-
же мокрого места не останется.

– Чем Быстров его лучше? – кинулась в атаку Маня. –
Производит несъедобную кашу за жуткие деньги.

– И это покупать не следует! – стукнула кулачком по столу
Заюшка. – Все одним миром мазаны!

– Ой, мама! – воскликнула Ирка, внесшая в комнату блю-
до с пирожками.

Я глянула на румяные крохотные кулебяки, сглотнула
слюну и спросила:

– Ты обожглась? В другой раз надевай кухонные варежки,
тарелка небось огненная.

– Да вы на полковника гляньте! – с неприкрытым ужасом
завопила Ирка. – Кошмар, умирает!

Я уронила вилку, которой пыталась подцепить раскален-

ный пирожок, и повернула голову.

Дегтярев, прямой, словно он вместо куска мяса проглотил швабру, сидел на стуле, выпучив глаза. Из его рта выползала обильная, пузыристая пена.

– Тебе плохо? – кинулась к полковнику Маня.

Александр Михайлович попытался что-то сказать, но не смог. Зайка схватилась за трубку.

– «Медицина для вас»? Примите заказ из коттеджного поселка Ложкино, человеку плохо, приступ эпилепсии...

Дегтярев побледнел.

– На, выпей, – суежилась Маруся, поднося к губам полковника «Перье», – легче станет.

Но отчего-то после пары судорожных глотков, которые послушно сделал Александр Михайлович, пена полезла еще сильнее.

– Уложите его на диван, – велел Кеша.

– Нельзя, язык проглотит! – подскочила Зайка. – Это же эпилепсия!

– С чего ты взяла? – спросила я.

– У нас девчонка работала, – пояснила Ольга, – тоже вот так один раз в корчах свалилась, пена изо рта... Жуть смотреть было.

– Но полковник не корчится, – возразила Маня, – сидит, словно накрахмаленный.

– За стадией судорог наступает окоченение, – безапелляционно заявила Заюшка.

– Как у трупa, – бормотнул Кешa.

Александр Михайлович сравнился по цвету со стеной, но не пошевелился. Следующие десять минут мы бестолково сутились вокруг него, вливая в несчастного по очереди: минералку, простую воду, яблочный сок. С каждым новым глотком пены становилось больше.

Наконец появился доктор, оглядев стол, он спросил:

– Что это?

– Где? – завертела головой Маруська.

– Вон там.

– Полковник Дегтярев, он болен, у него эпилепсия, – одним духом выпалила Зайка.

Врач окинул Александра Михайловича взглядом и бодро сказал:

– Да нет! Что он ел?

– Салат, – принялась перечислять я, – свиную отбивную с картошкой, хотел еще пирожок слопать, но не успел, падучая скрутила. Скажите, его можно вылечить или он уже навсегда таким останется?

Александр Михайлович застонал и закрыл глаза.

– Сделайте что-нибудь! – возмутилась Зайка. – Человеку плохо. Может, он сейчас умрет, а вы про еду расспрашиваете.

– Кто вам сказал про эпилепсию? – спросил доктор, изучая полковника. – Вот уж глупость! Что он проглотил?

– Рассказала уже, – я пришла в негодование, – салат, эс-

калоп...

– Да нет, – отмахнулся доктор, – я сразу же спросил: что это?

Его указательный палец с аккуратно стриженным ногтем уперся в пачку таблеток, лежащую на столе, возле прибора Дегтярева.

– Лекарство от кашля.

– Какое?

– Ну, не помню название, самое простое, абсолютно безвредное...

– Ага, – бодро сказал терапевт, повертел в руках упаковку и заявил: – Ясненько! Ванная комната в доме имеется?

– Четыре штуки, – ответила Зайка, – вы хотите принять душ? Право же, сейчас не время.

– Давай, Олег, готовь промывание желудка, – спокойно велел эскулап.

– Зачем? – завопила Маня. – У дяди Саши эпилепсия, а на примере обезьяны я знаю, что лечить ее надо совсем иными методами!

Полковник, открывший было глаза, мигом закрыл их и издал такой жуткий звук, нечто среднее между стоном и воплем, что Хучик, до недавнего времени мирно спавший на диване, сел и завыл, словно волк на луну.

– Вона, – театральным шепотом просвистела Ирка, роняя кухонное полотенце, – вона как! Собаки всегда смерть чувят!

И она начала креститься.

– Очень уж ты умная, – недовольно скривился доктор, глядя на Маню, – все про обезьян и эпилепсию знаешь. Ну-ка, прочитай, что на упаковке написано.

Маруська схватила пачку.

– «Гидропирит, только для наружного применения».

– Сухая перекись водорода! – закричала Зайка. – Ну ни фиги себе!

– Вот почему пена лезет, – подхватил Кешка, – а ты завела: эпилепсия, эпилепсия!

– И зачем вы ему дали внутрь средство, которым бабы волосы осветляют? – ехидно поинтересовался терапевт. – Конечно, насмерть отравить подобной штукой нельзя, но промывание желудка тоже неприятная вещь.

– Хотели полковника от кашля избавить, – пробормотала я.

– Как ты могла перепутать! – ринулась на меня Зайка.

Я развела руками:

– Случайно, упаковки похожи.

– С ума сойти, – не успокаивалась Ольга, – разве ты не прочитала название лекарства?

– Нет, – удрученно ответила я.

– отвратительная безответственность, – кипела Зайка, глядя, как полковника ведут в ванную, – а если бы ты всунула ему цианистый калий, что тогда?

– У меня его нет, – пискнула я.

– Надеюсь, у матери в аптечке нет и стрихнина, – не упу-

стиль своего Кеша, – или яда, которым травят садовых грызунов.

– Отстаньте от мусечки, – встала на мою защиту Маня, – она же хотела как лучше.

– А получилось как всегда, – немедленно закончила Ольга.

– Уж ты бы молчала! – взвилась Маруська. – Кто зимой всучил Митиной вместо супрастина кошачий контрасекс?

Я попыталась не расхохотаться. Действительно, пару месяцев назад к нам пришла хозяйка соседнего коттеджа и попросила таблеточку от аллергии. Зайка, как всегда, торопившаяся на работу, выдала Лене Митиной средство, которым мы потчуем Фифину и Клеопатру, чтобы наши киски не носились по поселку в поисках кавалеров. Самое интересное, что Лена, проглотив лекарство, избавилась почти мгновенно от насморка, кашля и других признаков сенной лихорадки. Так что Заюшка не имеет никакого права сейчас демонстрировать благородное негодование.

– Но ведь Дегтярев перестал кашлять! – вырвалось у меня. Зайка фыркнула и убежала, Маня понеслась за ней.

– Ну ты даешь, – протянул Кеша.

Боясь, что он сейчас начнет меня ругать, я решила быстро перевести разговор на другую тему и, повернувшись к незнакомому мужчине, сказала:

– Очень неловко получилось, но мне неизвестно ваше имя. Кстати, я – Даша.

Дядька, сидевший доселе тихо, словно мышка, если уместно сравнение стокилограммовой и двухметровой туши с мелким грызуном, ответил густым басом:

– Здравсти. Ковров. Григорий Ковров, можно просто Гриша.

И он протянул мне огромную, словно лопата, ладонь. Я осторожно пожала ее, и тут его слова окончательно дошли до моего мозга. Ковров!

– Погодите, – забубнила я, – так вы, того, штанишки в «Детском мире» сперли?

Гриша кивнул и уставился в пол.

– Ты, Григорий, – фальшиво бодрым тоном воскликнул Кеша, – иди с Ирой, она тебе комнату покажет!

Человек-гора молча повиновался. Когда он исчез в коридоре, Кеша повернулся ко мне:

– Ну, мать! Так нельзя!

– Как?

– «Штанишки сперли»!

– Но он же их украл или я не поняла чего?

– Каждый может ошибиться.

– Так ты говорил, что Ковров профессиональный вор.

– Он просто несчастный человек, который все время вляпывался в идиотские ситуации, – вздохнул Кеша. – Рос без родителей, в пятнадцать лет попал к уголовникам. В двадцать решил завязать, да опять в тюрьмищу загребел по глупости. Нанялся одному мужику вещи из грузовика в машину

поднимать, да по ошибке прихватил портфель другого дядьки, который на лавке у подъезда сидел. Тот крик поднял, милицию вызвал, Гриша давай объяснять, что к чему, дескать, отнес в чужую квартиру. Только менты документы потребовали, а у парня в кармане не паспорт, а справка об освобождении. Отсидел ни за что, вышел, потолкался по разным местам, на работу нигде не берут, стал бомжевать и украл в магазине с голодухи два батона. Новый срок получил, отмотал, и тут опять случился грех: замерз, как цуцик, вот и стащил брюки. У бедняги никаких родственников, ни денег, ни жилья, ни работы, ни паспорта...

– А к нам ты его зачем приволок? – только и смогла вымолвить я.

– Мать! – укоризненно воскликнул Кеша. – Вот уж не ожидал от тебя такой жестокости! Вышел из зала суда, а Гриша в скверике, на скамейке сидит, ну я и спросил: «Чего тут мерзнешь?»

– Некуда идти, – пояснил отпущенный уголовник.

И Кеша привез мужика в Ложкино.

– Знаешь, – объяснял он мне сейчас, – Гриша походил на выброшенную собачку, маленькую, беспомощную, бестолковую. Такой одной не выжить.

Я покосилась на Кешу. Скорей уж Гриша с его ростом и весом напоминает бездомного слона.

– Он тут недолго проживет, – резюмировал Аркашка, – поговорю кое с кем во Владимире, его устроят на работу, да-

дут общежитие, ну надо же ему хоть какой-то шанс предоставить. Пусть пока Ивану помогает по хозяйству.

Я кивнула и пошла к себе. Только уголовного со стажем не хватает в нашем доме для полного счастья.

Глава 5

К визиту в офис компании «Кока-кола» я подготовилась самым тщательным образом, обвесилась драгоценностями и нацепила брючный костюм, купленный в Париже. До сих пор я его ни разу не надевала. Честно говоря, это Зайка заставила меня купить жутко дорогую шмотку, но сегодня следовало выглядеть дамой, которая не стесняется своего богатства, а кичится им.

Услыхав мой вопрос: «Где у вас тут нанимают продавцов для работы на улице?» – секьюрити покосился на мои бриллиантовые серьги и ответил:

– По коридору налево, последняя дверь.

Я нашла нужный кабинет, вошла внутрь и с радостью обнаружила там всего одну, очень серьезную девицу лет двадцати пяти.

– Чем могу вам помочь? – подчеркнуто вежливо осведомилась она. – Присаживайтесь.

Я плюхнулась на стул и прощбетала:

– Дорогая, это вы нанимаете тех, кто носится по улицам с лотками?

Девушка улыбнулась и кивнула:

– Да, меня зовут Виктория, только не говорите, что хотите работать у нас.

Я засмеялась:

– Нет, конечно.

– Тогда чем могу служить?

Я закатила глаза и зачирикала:

– Ах, милая Викочка, от вас зависит счастье моего бедного, несчастного сына.

– Не понимаю, – растерялась девушка.

– Сейчас объясню, – кивнула я и принялась излагать придуманную ночью историю.

Оно конечно, нехорошо хвастаться, но я дико богата. Денег в семье куры не клюют, имеем все: дом, машины, золото, бриллианты, едим на платине, ходим по серебру. Ясное дело, что для единственного сына я могу купить все. У мальчика пять машин, три квартиры, четыре высших образования...

На секунду я притормозила. Последнее заявление – это уже слишком, хватило бы и двух дипломов. Но Вика, не заметив несурaziцы, слушала посетительницу, разинув рот.

– Но вот несчастье, – вздыхала я, – прямо горе. Мой Аркашенька семнадцатого июля купил у метро «Спортивная», у лоточницы, бутылочку этой гадкой, то есть, простите, душенька, вашей страшно вкусной тонизирующей кока-колы.

– И что? – спросила Вика, – отравился?

– В моральном смысле да! – воскликнула я. – Влюбился в девчонку, которая продала бутылочку. А она, хитрюга, не назвала ни имени, ни фамилии, исчезла в толпе. Теперь мой мальчик места себе не находит, плачет, отказывается принимать пищу...

Я снова остановилась. Эх меня заносит! Надо поспокойнее. Но Вика поверила всему, ее глаза загорелись.

– Вот везет же людям! – вздохнула она. – А мне вечно голытьба попадается! На пиво денег нету.

– Помогите, – я старательно изображала рыдания, – не дайте погибнуть влюбленному юноше, подскажите, студенты какого института продавали напитков.

– Не убивайтесь, – решила утешить меня Вика, – дело простое. Сейчас посмотрю.

Я продолжала тереть платочком сухие глаза. Через пять минут в моих руках оказался листочек с записью «Экономико-психологический колледж социальных знаний».

– Вот только адреса не знаю, – смутилась Вика, – зато есть список тех, кто торговал, семеро человек их было, все девочки, а адреса нет.

– Найду его мигом, – обрадовалась я, – а списочек не дадите?

– Сейчас отксерю, – пообещала Вика.

Через час я припарковалась возле большого обшарпанного здания и прочитала вывеску, ну и чудно называются теперь некоторые учебные заведения.

Внутри помещение оказалось еще более убогим, чем снаружи. На потолке проступали следы протечек, по стенам змеились трещины, а темно-рыжие паркетины угрожающе скрипели. Я подошла к двери, на которой было написано: «Учебная часть», заглянула в комнату и спросила у сидевших за

столами теток:

– Не подскажите, где можно найти Клюквину, Сергееву, Шершневу или Ламбинас?

– Вам зачем? – бдительно поинтересовалась одна из женщин.

– Разрешите представиться, Дарья Васильева, сотрудник компании «Кока-кола». Эти девочки, а еще Никитина, Ракчина и Соломанина работали у нас летом, мы им недоплатили денег по ошибке, вот, принесла, хочу отдать!

Инспекторши оторвались от бумаг.

– Чего только на свете теперь не случается, – покачала головой самая пожилая, – они в одной группе учатся, второй поток, ступайте к двадцать седьмой аудитории, скоро звонок, там всех и поймаете. Надо же! Деньги решили отдать!

Я пошла по коридору дальше, разглядывая таблички на дверях.

Когда после звонка из аудитории вышла красивая рыжеволосая девочка, я ухватила ее за плечо.

– Мне нужны Клюквина, Сергеева, Шершнева, в общем, все девочки по этому списку.

– А зачем? – лениво спросила рыженькая, катая во рту жвачку. – Ну я Шершнева Светлана.

Я вытащила носовой платочек и начала рассказ. По себе знаю – ничто так не тревожит юную девичью душу, как повесть о глобальной любви. Через десять минут около меня стояли все действующие лица.

– Может, привезете вашего сына сюда, а он уж сам разберется, в кого влюбился? – предложила Светлана.

– А хотите, – с жаром продолжила брюнеточка поменьше, кажется, Клюквина, – мы сами к вам отправимся?

– Нет-нет, – быстро сказала я, – у той девочки, моей будущей любимой невестки, есть отличительная черта.

– Какая? – спросил хор голосов.

– У нее отсутствуют два передних зуба.

Повисло молчание, потом Светлана протянула:

– Да уж, везет дурам. Кто бы мог подумать.

– Вы ее знаете? – обрадовалась я.

– Ага, – кивнула Клюквина, – очень даже хорошо.

– Ну и кто из вас? – в нетерпении подпрыгнула я. – Кто? Девочки хмуро переглянулись.

– Ее тут нет.

– Где же она?

Светлана пожала плечами:

– Фиг ее знает, выгнали Аську за неуспеваемость и прогулы.

– Вы своему сыну скажите, – тихо сказала самая худенькая девочка, Лена Сергеева, – Ася очень неприятный человек.

– Воровка она, – подхватила Света. – Вон у Саньки Никитиной косметичку сперла.

– Так не поймали же, – вздохнула коротко стриженная Саша.

– А кто, если не она? – сердито продолжила Светлана.

– И потом, – добавила Лена, – Ася, как бы это помягче сказать, ну, в общем...

– ...она, – коротко рубанула Света, – со всем курсом перетрахалась, все жениха себе подыскивала побогаче.

– Знаете, как Аська без зубов осталась? – оживилась Лена.

– Дайте расскажу, – влезла в разговор Маргарита Ламбинас. – У Ольги Зоткиной, из соседней группы, парень имелся, очень даже ничего, в банке работал, на машине ездил, с квартирой и дачей.

Я вздохнула: ездить на машине с квартирой и дачей невозможно, Оля имеет в виду, что у юноши, кроме автомобиля, имелись еще личная квартира и загородный дом. Но не будем придираться, я же не принимаю зачет по русскому языку.

– К свадьбе у них шло, – вываливала подробности Маргарита, – а тут Аська влезла, она хорошенькая...

– И что ты такое городишь! – всплеснула руками Светлана. – Облезлая кошка!

– Девочки, – укоризненно сказала Лена, – давайте попробуем быть объективными. Аська внешне ничего, даже очень ничего, другое дело, что она противная и без всякого стоп-сигнала.

– ... – покачала головой Света.

– Грубо, но справедливо, – вздохнула Лена.

– Так вот, – не дала себя сбить Маргарита, – Аська решила у Ольги жениха отбить, рассчитала, дрянь, что такой ей

подойдет. В общем, оказались они в одной компании, Аська и стала парню на шею вешаться, ну он и дрогнул. А кто бы из мужиков отказался? Только зря Аська дело затевала.

– Он с ней потрахался, – объяснила Света, – и на Ольге женился.

– Зоткина узнала, – подхватила Маргарита, – ничего мужу не сказала, а пожаловалась своему старшему брату. Тот Аську возле дома подстерег и два зуба выбил.

– Так ей и надо, – резюмировала Света.

– Она с вами в одной группе училась? – спросила я.

– Слава богу, нет, – ответила Лена.

– Как же вместе у метро оказались?

Маргарита ткнула пальцем в молчавшую до сих пор девушку, одетую в красный брючный костюм.

– А все из-за Элки Соломониной, заболела она.

– Так не нарочно же, – обиженно ответила Элла.

– Вечно с тобой неприятности случаются, – затараторила Света.

Я молча слушала говорливых девиц. Через несколько минут ситуация прояснилась. Девочки решили на летних каникулах подзаработать и нанялись в компанию «Кока-кола». Лучше всего, вернее, больше всего, там платили бригаде, которая выходит по графику: двенадцать часов – выходной – двенадцать часов. Можно было наняться на меньшее время и получать рубли каждый день, но девочки собрались в августе в молодежный лагерь и нуждались в деньгах, поэтому

и выбрали самые тяжелые условия труда. «Кока-кола» требовала, чтобы бригада всегда работала в полном составе, и еще администрация присылала проверяющих. Поэтому, когда Элла Соломанина подвернула ногу, остальные члены команды сначала загрустили, а потом стали искать ей замену. Но, как назло, все девочки из других групп отказывались носиться у метро, звеня бутылками. И тут появилась Ася.

Естественно, с ней иметь дело не хотелось. Но куда было деваться? Ася отработала неделю, а потом на трудовую вахту вновь заступила Элла.

– Она это, – качала головой Света, – точно помню, как без зубов щеголяла и ничуть этого не стеснялась.

– Очень хорошо, что ее из колледжа выгнали, – с радостью в голосе заявила Маргарита.

Девочки покосились на подругу, но ничего не сказали. Очевидно, между Асей и Ритой прошмыгнула в свое время жирная черная кошка.

– Не знаете, где Ася теперь? – спросила я.

– И знать не хотим! – скривилась Лена.

– Подскажите ее телефон.

– Да зачем она вам? – ринулась в атаку Света. – Собственными руками сыну яму роете. Он с такой женой наплачется, не ищите Аську, попереживает парень и успокоится, мужики мигом утешаются.

– Может, это любовь, – вздохнула Саня, – пишите номер.

– Вы сначала к ней съездите, – не успокаивалась Лена, –

и посмотрите. Живо меня вспомните и подумаете: «Права была Сергеева, зачем нам шалава в доме».

– Хотите, мы вашему сыну отличную девчонку сосватаем? – подхватила Саня. – Готовит шикарно, шьет, аккуратная, по мужикам не бегает, хочет троих детей родить. Правда, Ленк?

Сергеева покраснела и стала похожа на спелый болгарский перец.

– Скажешь тоже! Не надо мне никого, лучше на хорошую работу устроиться.

Поблагодарив девчонок, я вышла во двор, села в «Пежо», и тут ко мне подбежала запыхавшаяся Света.

– Вы это... того...

– Что случилось? – улыбнулась я.

– Про Ленку Санька чистую правду говорила, – выпалила Света, – вам лучшей невестки не найти. Если у нее деньги будут, сядет дома, станет деток рожать. Вы, когда на Аську поглядите, возвращайтесь.

– Спасибо, – кивнула я, – только сами понимаете, страсть такая штука, не всегда она бывает направлена на достойный объект.

– Это точно, – вздохнула Света, – любовь зла, полюбишь и козла.

Дома у Аси трубку схватили сразу.

– Мамуся, – закричал тонкий детский голосок, – ну где же ты?

– Это не твоя мама, позови, пожалуйста, Асю.

– Ее нет, – сообщила девочка.

– А когда придет?

Ответа не последовало.

– Она в институте?

– Нет.

– А где?

– Не знаю, не помню, в Митине, кажется.

– Дома есть кто из взрослых?

– Одна сижу, – грустно ответила собеседница, – болею, у меня отит.

– Отит? Это очень больно!

– Ага, жутко.

– Как же тебя зовут?

– Алла.

– Скажи, Аллочка, когда родители придут?

– У меня только мама, – бесхитростно сообщил ребенок, – на телефонной станции служит, у ней работа в час заканчивается.

Я взглянула на часы: полвторого.

– Ладно, дружочек, подскажи ваш адрес.

– У, какая хитрая, – насторожилась девочка, – ни за что!

– Ты его просто не знаешь, маленькие детки не помнят, где живут.

– Я маленькая? – возмутилась Алла. – Мне шесть лет, в первый класс хожу и великолепно знаю название улицы.

– И какое же оно?

– Проезд Петра Ратникова, дом три, – гордо ответила Аллочка.

Я отсоединилась и включила зажигание. Развита, бойко разговаривающая малышка, оставшаяся одна дома, должна четко усвоить очень простое правило: никому, даже тетенькам с приятным голосом, нельзя сообщать, что сидишь дома в одиночестве. Последствия могут оказаться самыми печальными.

По двери в квартиру Аси сразу можно было понять, что лишних денег у хозяев не водится. Самая обычная, деревянная, не железная, не стальная, не бронированная, выкрашенная темно-коричневой краской. С боку болтался на проводе звонок. Я нажала пупочку, дверь моментально открылась.

– Вам кого? – устало выронила худая, какая-то блеклая женщина.

– Можно Асю Корошеву?

– Нет, – опутив глаза, сказала хозяйка, – абсолютно невозможно.

– Когда она придет?

– А вы кто такая?

– Сотрудник компании «Кока-кола», разрешите представиться, Дарья Васильева, менеджер отдела оплаты. Ася Корошева летом работала у нас лотошницей, мы остались ей должны деньги.

– И много? – заинтересовалась тетка.

– Тысячу рублей.

– Мне отдать можете? – оживилась собеседница.

– А вы кем Асе приходитесь?

– Матерью, я Софья Николаевна Корошева.

– Запросто, только следует оформить расписку.

– Это без проблем, – засуетилась Софья Николаевна, – заходите, ботиночки скидавайте, я полы помыла.

Я получила противно холодные резиновые шлепки и вошла в небольшую, бедно обставленную, но хирургически чистую комнату.

– Да вы тут садитесь, – хлопотала хозяйка, – за стол, на нем писать удобно.

Я вынула из кошелька голубую купюру, положила на протертую клеенку и попросила:

– Несите паспорт Аси.

– А без него нельзя?

– Ну, в общем, можно, только отчего вы не хотите документ дать?

– А его отобрали, – пояснила Софья Николаевна.

– Почему? – удивилась я.

– Когда свидетельство о смерти выдали.

Секунду я пыталась переварить информацию, потом воскликнула:

– Ася умерла?! Она же молодая совсем!

– Двадцать только исполнилось, – отозвалась она.

– Ужас!

– Это с какой стороны посмотреть, – отрезала Софья Николаевна.

Я на какое-то время растерялась, но потом взяла себя в руки.

– Господи, что вы говорите! С какой стороны ни смотри – это катастрофа.

– Хорошо вам рассуждать, – окрысилась Софья, – вы с ней не жили, а я пятнадцать лет мучилась.

– Как пятнадцать? – Я решила поймать бабу на вранье. – Вы только что про двадцать говорили.

– Правильно, – кивнула Софья, – только она мне не родная. Аську моя сестра Зинка незнамо от кого родила, а когда девчонке пять лет исполнилось, возьми да из окошка прыгни. Вот ведь какая безответственная, дите кинула, только о себе и подумала. Хорошо Зинке, сама в могилу улеглась, а мне...

Я на секунду перестала воспринимать ее речь. Недавно моя лучшая подруга Оксанка рассказала анекдот. Одному мужчине сообщили, что ему осталось жить до утра, и ни часом больше. Ну пришел дядька домой, рассказал жене о перспективе. Супруга поохала, поплакала, да и легла спать, несчастный муж попытался разбудить ее, а баба недовольно заявила:

– Отстань, Ваня. Тебе-то хорошо, завтра на работу идти не придется, а мне рано вставать.

– ... надо бы в детский дом сдать, – услышала я голос Со-

фьи, – да пожалела я Аську. Эх, вечно через свое доброе сердце страдаю.

Очевидно, в душе Софьи Николаевны накопилось слишком много негативных эмоций, потому что она сейчас говорила безостановочно. Так река сносит плотину, преграждающую воде путь, и разливается широким морем.

Ася и в самом деле росла трудным ребенком. В школе она, правда, училась хорошо, голова у девочки оказалась на месте. Зато уже во втором классе Корошева принялась воровать, сначала по мелочам, тырила ластики, ручки, закладки, блокнотики, игрушки. Потом стала шарить по карманам в раздевалке, а в девятом классе утащила кошелек с зарплатой у географички. Софья Николаевна еле-еле уговорила преподавателя не обращаться в милицию. Дальше – больше. Появились сомнительные друзья, сигареты, выпивка, модные вещи.

– Где ты взяла эту юбку? – неистовствовала Софья Николаевна. – А косметику? На какие шиши шикуешь?

– Отвяжись, – дернула один раз плечиком Ася, – на Тверской стою, тебе какое дело?

Софья Николаевна испугалась. Она тоже, как покойная сестра, не вышла замуж и тоже родила девочку. Вдруг бесшабашная Аська на самом деле решила заняться проституцией? Еще заразит ребенка СПИДом.

– Крови она у меня цистерну выпила, – вываливала Софья Николаевна, – сил по ней горевать не осталось. Да к тому все

и шло.

– Как погибла Ася? – тихо спросила я. – И когда?

– А в июле, двадцатого числа, мне, правда, позже сказали, тело в морге лежало, неопознанное.

– Вы не удивились, когда девочка не пришла ночевать?

– Так она и на неделю загулять могла! – пояснила Софья Николаевна. – Ну совсем без головы была, умотает незнамо куда, потом, здрасте, является. Да вам меня не понять. Небось ваши дети по подвалам не шляются, водку не пьют и со всей улицей не трахаются.

Из моей души вырвался вздох, это верно. И Аркадий, и Машка никогда не доставляли мне особых хлопот, подростковый возраст они прошли спокойно, без эксцессов. Но если представить на минутку, что в нашей семье подрастает такая Ася, смогла бы я спокойно лечь спать, зная, что девочка где-то шляется? Скорей всего, нет, понеслась бы искать непутевое дитяtko. Впрочем, хорошо сейчас рассуждать, а коли так бегать придется каждую ночь? Некоторые детки выдавливают из своих родителей любовь по капле, словно зубную пасту из тюбика. И не надо осуждать Софью Николаевну.

– Под машину Ася попала, – спокойно объяснила она, – где-то на МКАД, дорогу перебежала пьяная.

– Водителя не нашли?

Софья отмахнулась:

– Нет, конечно. Ее саму-то дальнoбoйшики обнаружили, приспичило, вот в кусты и побежали, а там Ася. Видать, тот,

кто сшиб, тело в овраг спихнул и умчался. На Митино похоронили, теперь памятник поставлю, и все, моя совесть чиста.

– Подруги у нее были?

– Целый двор.

– Не припомните имен?

– Зачем?

– Следует свидетеля позвать, чтобы видел, как я вам деньги отдавать буду.

– Погодите, – велела Софья и вышла.

Не успела я подумать, что неплохо бы покурить, как хозяйка вернулась вместе с худенькой девицей самого безобразного вида.

Голова пришедшей была выкрашена в три цвета. Сейчас это очень модно, и Зайка тоже носит разноколерные прядки. Только волосы Ольги мягко перетекают от светло-розового через пепельный к блондинке, а у девушки, стоящей передо мной, на макушке торчали ярко-синие лохмы, челка походила на перезрелый баклажан, а виски радовали зеленым кислотным оттенком.

В ушах у красавицы висела связка колечек, на шее красовалась татушка: красно-черная бабочка.

– Это Галя, – сообщила Софья.

Я молча написала на бумаге пару слов и отдала ассигнацию Софье. На лестничную клетку мы с Галей вышли вместе.

– Повезло Соньке, – хриплым, то ли простуженным, то ли

прокуренным голосом заявила Галя, – такие деньги ни за что отхватила.

– Если ответите на мои вопросы, можете столько же получить, – быстро предложила я.

Галочка обрадовалась:

– А что спрашивать станете?

– Можно к вам зайти? Вы, очевидно, недалеко живете?

Галя засмеялась и толкнула дверь:

– Здесь, соседи мы.

Я вошла в узкий коридор и чуть не задохнулась от запаха. Галочка спокойно поинтересовалась:

– Воняет вам?

– Ну... не очень приятный аромат.

– Отчим на мясокомбинате работает, – объяснила Галя, – спецовку принес постирать. Как на его комбинезон взглянешь, так никакой колбасы не захочешь, топайте в мою комнату.

Я села в кресло возле неубранной кровати и, стараясь не смотреть на серый от грязи пододеяльник, приступила к допросу.

– Хорошо знали Асю?

– Так мы соседи.

– Приятная она девушка была?

– Говно, вечно у всех все тырила.

– Она вам ничего про историю с «Кока-колой» не рассказывала?

– С чем?

– Ася летом пристроилась торговать у метро газировкой. Внезапно Галя прищурилась:

– А не врите.

– Я всегда говорю правду! Ваша подружка стояла возле станции «Спортивная» с лотком.

– Да и фиг с ним. Можете меня не проверять, все знаю про фирму, между прочим, могу очень хорошо работать.

Я растерялась.

– Вы о чем?

– Ясно, – с удовлетворением отметила Галя, – удостовериться хотите? Да рассказала мне Аська все! Хотя вы ее и предупреждали, что нельзя. Брехло она была и воровка, я не такая, честно трудиться стану.

– Ты про «Кока-колу»?

– Ой, – погрозила мне пальцем Галочка, – ну и хитрюга! Могу рассказать, в чем дело, возьмете тогда?

– Начинай, – велела я.

Галочка принялась вываливать информацию. Если опустить многочисленные матерные слова, которыми девушка, абсолютно не смущаясь, пересыпала свою речь, вкратце дело обстояло так.

Ася пристроилась работать в фирму. Служба у нее оказалась более чем специфическая, следовало гулять около метро с сотовым телефоном, приглядывая за бомжами, если вдруг затевалась драка или другая какая разборка, девушка

должна была мгновенно сообщить об инциденте ментам, которые дежурили на соседней улице.

Глава 6

Представляете, как я оторопела, услышав эту информацию.

– Наблюдать за бомжами и вызывать милицию? Ты меня разыгрываешь?

Галя вытащила из тумбочки пачку дорогих сигарет «Собрание», я слегка удивилась, на мой взгляд, подобная марка никак не могла быть ей по карману.

– Да ладно вам прикидываться! Говорю же, я знаю все! Хотите скажу, сколько Аське платили?

– Ну?

– Пятьдесят долларов за смену.

– Обалдеть можно! За вызов милиции к бомжам?!

– Здорово притворяетесь, – одобрительно кивнула Галя, – возьмете меня вместо Аськи? Вы ведь небось пришли сумочку искать, догадались, что ее Корошева стырила? Говорила я ей сто раз: не ... у людей вещи, нарвешься!

Обычно я быстро соображаю, как следует реагировать на те или иные заявления, но сейчас растерялась и только хлопала глазами, глядя на Галю. Та, очевидно, решила, что гостья колеблется, поэтому принялась аргументировать просьбу.

– Все равно же вам людей нанимать придется, так почему не меня? Аську-то взяли, а она не работник, воровка и дура.

Я намного лучше, никогда чужого не прихвачу.

– А сигареты? – неожиданно осенило меня. – Неужели сама дорогую пачку купила?

– Так разве это воровство? – выкатила глаза Галя. – Скажете тоже! В кафе с девками пошли, пивка попить, пачка на столе валялась, забыл ее кто-то, я и прибрала, не пропадать же добру. Ладно, знаю, вы за сумочкой пришли, думали, она у Аськи дома спрятана. Только она в своей квартире ничего не держала, мне приносила. Уж очень Софья Николаевна любопытная. Аська за порог, а мачеха бегом в ее комнату, весь шкаф перероев, потом выложит на стол и визжит: «Это откуда взялось?» Ясно же, сперла, чего орать? Вот, держите, видите, я честная.

С этими словами Галя наклонилась и вытащила из-под кровати пакет с надписью «Рамстор». Страхнув клоки серой пыли, девица протянула его мне. Я машинально взяла сверток, раскрыла и обнаружила небольшую черную мужскую сумку, именуемую в народе «педерастка».

– Она? – спросила Галя.

Ничего не отвечая, я полезла внутрь кожаной барсетки. В трех отделениях оказалась куча вещей – носовой платок, дорожная ручка, связка ключей, визитница, таблетки от головной боли, кредитная карточка VISA и маленькая коробочка, набитая визитками.

Я вытащила одну. «Самойленко Юрий Мефодьевич, генеральный директор объединения «Газнефтебизнеспром». Ни-

же в несколько строчек шли телефоны, сверху ручкой написан номер, начинавшийся с цифр 799. Очевидно, это были обычные визитки, я тоже сообщаю некоторым людям свой мобильный и так же пишу его сверху, в правом углу.

– Очень странно, – вырвалось у меня.

– Чего же тут такого? – отозвалась Галя.

– Где портмоне? Неужели в сумочке не имелось наличных денег?

Галя рассмеялась:

– Так Аська небось из-за них барсетку и сперла. Только я ничего не знаю, мне она уже такую принесла, без кошелька.

– И откуда у нее она?

Галя покачала головой:

– Ох и хитрая вы! Говорю же, все знаю. Сумчонка одному из бомжей принадлежала. Он ее в машине оставил, в «Мерседесе», у охраны. Как уж Аська туда пробралась, хрен ее знает, только залезла и... Талантливая была.

Моя голова окончательно пошла кругом. Бомж, который имеет при себе сумку стоимостью примерно в пятьсот долларов, вместе с золотым «Монте-Кристо»² и «платиновой» кредиткой VISA? Ладно, это хоть как-то можно объяснить, но то, что маргинал оставил ее в «Мерседесе» у своего охранника, вообще не лезет ни в какие ворота!

– Он сам к Ленинградскому вокзалу пошел, – спокойно

---

² «Монте-Кристо» – фирма, выпускающая самые дорогие в мире пишущие ручки.

объяснила Галя, – а Аська и подсуежилась. Так берете меня в фирму?

Я кое-как сгребла остатки сообразительности в кучу.

– Ладно, убедила, поговорю с начальством, нам нужны такие хорошие, положительные девочки, только сумочку я заберу с собой.

– Конечно, – закивала Галя, – да про меня не забудьте! Ждать стану, мне деньги до усеру нужны.

Сев в «Пежо», я моментально набрала номер, написанный на визитке.

– Алло, – ответил приятный баритон.

– Самойленко Юрий Мефодьевич?

– Слушаю.

– Меня зовут Дарья Васильева.

– Слушаю, – повторил собеседник.

– Мы с вами не знакомы.

– Вполне вероятно.

– Видите ли... совершенно случайно я нашла сейчас кожаную сумочку, а в ней ваши визитки, ручка, кредитная карточка...

– Если привезете в течение трех часов, – перебил меня бизнесмен, – получите вознаграждение.

– Ну, – протянула я, – наверное, у вас проблемы, связанные с потерей карты VISA, ладно, так и быть, говорите адрес.

Служебный офис Самойленко поражал великолепием. Расположенный на десятом этаже суперсовременного зда-

ния из стекла, роскошный кабинет просто подавлял посетителя: кожаная мебель, сделанная на заказ, стол и книжные шкафы, выполненные из цельного массива дуба, люстра явно вывезена из Англии. Есть в Лондоне один такой крохотный магазинчик, размером с нашу бывшую кухню в блочной пятиэтажке в Медведкове, торгующий электроприборами по заоблачным ценам. Занавески явно расшиты вручную, а ковры ткали трудолюбивые туркменские женщины. Если кто-нибудь станет вам петь песню о том, что лучшие покрытия для пола можно купить в Египте или Турции, не верьте. Эксклюзивные ковры, настоящее произведение искусства, создают лишь в Туркмении. Во всем мире словосочетание «туркменский ковер» известно так же хорошо, как «русская икра», «французские духи» и «швейцарские часы». Юрий Михайлович окинул меня быстрым взглядом. Очевидно, он разбирался в драгоценностях, потому что мигом стал любезен.

– Прошу вас, садитесь. Извините, что разговаривал с вами немного грубо, но, сами посудите, ситуация слегка странная. Сумку у меня украли где-то в середине июня, сейчас ноябрь...

– Очень хорошо вас понимаю, – кивнула я и, чтобы окончательно расслабить собеседника, вытащила из кошелька свою кредитку и, показав ее, сообщила, – один раз я ухитрилась потерять сей пластиковый прямоугольник. Уж не знаю, какие порядки в том банке, где вы держите деньги, а мой

устроил целый спектакль. Вот я и решила вам помочь!

– Алена, – позвал Юрий секретаршу, – ну-ка, быстро кофе, конфеты, коньяк, VIP-набор...

Я улыбнулась:

– Лучше чай и без спиртного, я за рулем, хотя мой сын Аркадий давно настаивает, чтобы мать возил шофер.

– Аркадий, – бормотнул Юрий, – редкое имя, мой приятель не так давно разводился с женой и нашел адвоката, очень знающего парня, тоже Аркадием звали.

– Если фамилия Воронцов, то это мой сын.

Юрий хлопнул себя ладонью по лбу.

– Я болван! Вы сказали – Даша Васильева! Бывшая жена Макса Полянского!

– Правильно, а вы знаете Макса?

– Господи, конечно! У нас теперь общие интересы.

Тут подоспел чай, конфеты, лимон, варенье и VIP-набор: записная книжка, ежедневник, настольные часы вкупе с шариковой ручкой.

Поболтав пару минут, мы с Юрием обнаружили кучу общих знакомых и ничтоже сумняшеся перешли на «ты».

– Однако, – усмехнулась я, указывая на сувениры, – мне было обещано денежное вознаграждение.

Юрий рассмеялся:

– Извини, я не знал ведь, к кому в руки попала сумочка.

– А где ты ее посеял?

Юрий глянул на часы.

– Время есть?

– Ах, – махнула я рукой, изображая капризную, богатую даму, изнывающую от скуки, – честно говоря, не знаю, куда его девать!

– Вот что, поехали, пообедаем, – предложил Юра, – заодно расскажу тебе интересную историю.

Я, конечно, знала, что жены богатых людей, а подчас и они сами страдают от скуки. Все, что нужно, у них уже есть: куплены и обставлены дома, имеются машины, произведения искусства... Рано или поздно наступает момент, когда приобретать вещи становится просто неинтересно. Например, одна моя знакомая, Анна Плотникова, имеет семь норковых шубок, которые надевает по дням недели. В понедельник серую, во вторник белую, в среду рыжую... Сами догадываетесь, что в подобной ситуации покупка восьмого манто не обрадует. Я, для того чтобы выплеснуть свою кипучую энергию, занимаюсь детективными расследованиями, а Анна носится по раутам. Ресторан, тусовка, концерт. «Jedem das seine»³ – как говорят немцы, или, по-нашему, в каждой избушке свои игрушки. Но если мне страшно нравится заниматься криминальными расследованиями, то Анна скучает и пытается расширить круг развлечений, участвуя в карнавалах, маскарадах, соревнованиях по скоростному поеданию пиццы... И еще в Москве имеется несколько весьма процветающих фирм, которые занимаются устройством развлече-

---

³ «Jedem das seine» (нем.) – каждому свое.

ний для богатых и скучающих. Какие только идеи не приходят в голову их сотрудникам, но то, что рассказал Юрий, было уж слишком.

У него есть жена Ниночка, естественно, нигде не работающая. На свою спутницу жизни Юра пожаловаться не может: очень положительная, не пьющая, не гулящая. Но... Их единственный сын вырос, выучился и женился. Домашнее хозяйство ведет экономка, территорию вокруг дома обслуживает садовник – одним словом, делать Нине решительно нечего, и она стала киснуть от скуки, периодически устраивая мужу скандалы. Юра нормально относится к своей второй половине, они вместе со студенческих лет и многое пережили, прежде чем стали богаты, поэтому он спокойно сносил истерики, понимая, что жене просто нечем заняться. Но потом он начал срываться и тоже орать. Неизвестно, чем бы закончилось дело, но неожиданно Нина повеселела и стала пропадать по вечерам.

Поговорка «седина в бороду, а бес в ребро» относится не только к мужчинам, и Юрий заподозрил неладное. Но, будучи человеком порядочным, он не стал следить за супругой, а просто сказал:

– Если завела любовника, скажи честно.

Ниночка захихикала и раскололась. Одна из ее подружек, такая же богатая и томящаяся от безделья, Кира Топоркова, предложила ей удивительную забаву.

Вечером, в районе девяти, дамы приезжали в фирму, ко-

торая организовывала приключение, и переодевались. Элегантные платья, дорогие туфли, роскошные сумочки и эксклюзивные украшения оставались в сейфе. Взамен они получали мини-юбки, обтягивающие кофточка-стрейч, колготки из сетки и обувь на невозможном каблуке. Картину дополнял соответствующий макияж и парик. Потом «ночные бабочки» выпархивали на улицу. И дальше начиналось самое интересное: ловля клиентов. Поймать мужчину, жаждавшего продажной любви, было не так уж и просто. К тому же Ниночка и Кира справили сорокалетие. Но в конце концов и на них находились любители, начинался спор о цене. За процедурой из припаркованных рядом тонированных «девяток» наблюдала охрана. Еще несколько парней, наголо стриженных, втиснутых в обтягивающие джинсы и коротенькие, до пупа, кожаные куртки, стояли в непосредственной близости от места действия, изображая из себя сутенеров. За углом дежурила патрульная машина, набитая ментами. В тот самый момент, когда «проституткам» следовало садиться в тачку к клиентам, один из «сутенеров» подавал знак, и патруль выскакивал из засады. Милиционерам очень прилично платили, и они были готовы участвовать в забаве сутками.

– Меня вчера трое сняли, – щебетала Ниночка, блестя глазами, – такой адреналин!

– А Семен знает? – только и сумел поинтересоваться Юра. – Киркин муж как к вашей новой игрушке относится? Нинуша захихикала:

– Еще как знает! Он с нами ездит, одного из сутенеров изображает! Слушай, давай вечером вдвоем отправимся, а?

Юра от неожиданности согласился и втянулся в игру. Он давно не ходит по улицам пешком, смотрит на мир из окна собственной иномарки, питается в закрытых клубах и не посещает обычные магазины. А тут пришлось проскакать несколько часов под дождем, пить пакостный растворимый кофе в забегаловке, набитой самыми простыми людьми, и вот странность, Юра вновь ощутил себя молодым и веселым, и еще – вид Ниночки в юбочке «по самое не хочу» произвел на Юру особое впечатление, и у супругов просто начался медовый месяц.

Но потом забава приелась, и тогда фирма предложила новую, более экстремальную развлекаловку. Если раньше клиенты выходили «на дело» вечером, ближе к ночи, и постоянно видели около себя охрану, то теперь нужно было выбираться днем, и поблизости никого не оказывалось. Вернее, секьюрити, конечно, присутствовали, фирме не нужны неприятности, клиентов стерегли, словно формулу топлива для ракет, но участники игры не знали, где находятся бодигарды. Вкратце дело обстояло так. Группу богатых людей, семь-восемь человек, переодевали бомжами. Потом с них собирали по пятьсот долларов и складывали в сейф, «нищих» привозили на вокзал и отпускали кланчить милостыню. На все про все давалось два часа. Потом подбивали итог. Тот, кто «настрелял» денег больше всех, оказывался победи-

телем и срывал банк, забирал всю сумму, хранящуюся в железном ящике. Если же «бомжи» являлись назад с пустыми руками, доллары доставались фирме, в придачу к нехилой оплате, которую она требовала за свои услуги.

– Ты себе представить не можешь, какой кайф, – воодушевленно рассказывал Юра, – чистый адреналин! Сидишь на газетке, вокруг народ шныряет. Хочешь с нами пойти?

– А что за компания? – спросила я.

– Все свои, – успокоил Юра, – Костя Кайков, владелец «Рис-банка», Таисия Цветкова, хозяйка сети магазинов, Иосиф Ведяев, книгоиздатель. Пошли, повеселимся. Эх, Женька умер, такой хохмач был! Представь, песни пел под гармошку, больше всех собирал!

– Какой Женька? – насторожилась я.

– Евгений Твердохлебов, – пояснил Юра, – бизнесмен, вот он точно не своим делом занимался! Такой артист! Женька настоящий клоун был, жаль, умер, жена его убила, сразу после свадьбы! Мы прям обалдели, когда узнали.

И он принялся рассказывать хорошо известную мне историю про Лику и похотливого старичка. Навесив на лицо выражение крайнего изумления и интереса, я делала вид, что слушаю Юру, но в голове метались совсем иные мысли.

Так, теперь понятно, отчего Ася, снабженная сотовым телефоном, следила за бомжами. Это были не маргиналы, а переодетые участники шоу. И Евгений принимал участие в забаве. Может, мне стоит тоже посидеть в лохмотьях на га-

зете? Вдруг разгадка тайны где-то рядом?

– Ой, как здорово, – подскочила я на стуле, – просто вос-
торг! А то не знаешь, куда себя деть! Извелась вся.

– Получишь колоссальное удовольствие, – потер руки
Юрий, – потом благодарить станешь. Значит, так, завтра, к
часу дня, приезжай вот по этому адресу, ей-богу, не пожале-
ешь!

В прекрасном настроении я собралась уже катить в Лож-
кино, но тут на глаза попался огромный магазин. Ничего так
не повышает настроения, как покупка абсолютно ненужной,
даже бесполезной вещи. Женщины меня поймут. Оно конеч-
но, приятно приобрести пальто или шубу, на которые дав-
но откладывала деньги, но во много раз приятнее просто за-
бежать в лавку и, недолго думая, прихватить, ну, допустим,
чашку, украшенную изображениями собачек. Дома-то у вас
уже есть из чего пить чай, и эта кружечка вроде бы ненуж-
ная, но как радуется...

Забыв о времени, я промчалась по этажам и вышла на ули-
цу, сжимая в руках плюшевую собачку-мопса. Абсолютно за-
мечательная вещь, никому не нужная и непригодная в хозяй-
стве. Сев за руль, я проехала пару кварталов и поняла, что
срочно следует искать туалет.

Глава 7

На следующий день я в урочный час вошла в небольшой домик, притаившийся на задворках башни из светлого кирпича. Ни вывески, ни таблички над входом не наблюдалось, просто глухая железная дверь и звонок.

– Вы к кому? – донеслось из домофона.

– В фирму «Отдыхайка», – ответила я и была незамедлительно впущена внутрь.

С первого взгляда стало ясно: тут ждут дорогих клиентов. Кожа, бронза, наборный паркет и девушка на рецепшен, больше похожая на фотомоделю, чем на служащую.

После небольших формальностей меня препроводили в гардеробную. Я оглядела вешалки с лохмотьями и попятилась. Вряд ли сумею заставить себя натянуть эти грязные обноски. Но тут в комнату, распространяя запах моих любимых духов «Миракль», вошла дама и затараторила:

– Я Жанна, стилист, мне кажется, вам лучше всего подойдет вот это!

Я отшатнулась от протянутой куртки китайского производства. Вещь была рваной и засаленной до невозможности. Жанна улыбнулась:

– Не пугайтесь, смотрите, видите бирочку? Все совершенно новое, никем ни разу не надеванное, просто шмотки специально сверху испачкали, внутри они чистые. Вот еще спор-

тивный костюмчик и сапожки.

Делать нечего, пришлось влезать в предложенное одяние.

– Верхнюю одежду пока оставьте, – заботливо предупредила Жанна, – сначала грим.

В другой комнате мне, не пожалев красок, разукрасили лицо. Честно говоря, я сама себя не узнала, когда предупредительная Жанна поднесла зеркало. Равнодушное стекло отразило бабущу лет пятидесяти пяти, с мордой, усеянной синяками и кровоподтеками. Передние зубы мне покрыли специальной краской, и создалось впечатление их отсутствия. Гримерша не забыла ни про шею, ни про руки. С ногтей исчез лак, они украсились «трауром», а внешняя сторона кисти покрылась отвратительными на вид язвами и пятнами. Встреть я на улице подобное существо, мигом бы шарахнулась в сторону. Потом меня отвели в следующую комнату и познакомили с остальными «бомжами». Всего нас оказалось пятеро: двое мужчин и три женщины. Выкурив по сигаретке, мы сели в машины, которые незамедлительно доставили «десант» на площадь трех вокзалов. Тут нами занялся распорядитель, дядька лет сорока, одетый в хорошее, дорогое пальто и качественную обувь. Меня он отвел к подземному переходу, где толпились бабульки с цветами и дарами природы.

– Здравсте, Борис Сергеевич, – начали кланяться в пояс старухи, – доброго вам здоровычка, успехов и счастья!

– Добрый день, – вежливо ответило начальство и сурово поинтересовалось: – Ну, как тут у вас?

– Ой, спасибо, – бойко ответила самая молодая, продававшая антоновку, – весь век на вас молиться станем! Спасибо! Вон вчера какие-то хамы подошли, так Димочка, дай ему господь невесту хорошую, всех мордами об асфальт побил. Они зубы повыплывали и убежали.

– Славный мальчик, – влезла другая старушка, с вязаными носками, – стережет нас! Я ему свитерок смастерю. Вон он стоит, бдительный такой!

Я невольно проследила глазом за корявым пальцем бабушки и увидела славного мальчика Диму, которого в ближайшее время поджидал подарок от благодарной старушки.

Гора мышц, запакованная в кожаную куртку, покоилась на тумбообразных ногах. Сверху сооружение венчала круглая, обритая голова, мерно двигающая челюстями. Очевидно, Димочка заботился о сохранении кислотно-щелочного баланса во рту и поэтому усиленно жевал «Орбит».

– Ладно, – милостиво кивнул Борис Сергеевич, – вот и хорошо, Дима – молодец, похвалю его.

– Яблочком угоститесь, – льстиво предложили старушки, – самые лучшие вам отберем.

– Не любитель я кислого, – поморщилось начальство, – вот девушку тут пристрою...

И он подтолкнул меня вперед.

– Здравсте, – пробормотала я.

– И вам доброго дня, – ответили вежливо бабушки.

– Если ее кто обидит, – сурово заявил Борис Сергеевич, – будет иметь дело лично со мной.

Потом он, мигом сменив тон на ласковый, тихо сказал:

– Стойте тут, никуда не ходите, коли устанете, можете на пол сесть. Диму свистните, он вам картонки притянет. Сами не ходите никуда. Ну, желаю выиграть.

Я навалилась на парапет подземного перехода. Борис Сергеевич шагнул в толпу и растворился в ней.

– Вот ирод! – вздохнула бабка с носками.

– Замолчи, Райка, – одернула ее женщина с петрушкой и указала на меня глазами.

Раиса захлопнула рот. Я вздохнула. Старухи, мигом призывающие на помощь бандита Димочку, не тронут меня, они боятся Бориса Сергеевича, но и вести с «бомжихой» дружеские беседы не станут.

Глава 8

Через пятнадцать минут мне стало понятно, что труд нищенки тяжел, проходящие мимо люди равнодушно сбегали в переход, никто не спешил протянуть бомжихе рублик. Хорошо еще, что рваные сверху лохмотья внутри были целыми, и я по крайней мере не мерзла. Спустя полчаса я загрустила. Какого черта стою тут? Во-первых, явно проиграю, до сих пор не удалось выпросить даже десяти копеек, во-вторых, какую полезную информацию могу здесь получить? Дурацкая затея, однако...

– Слышь, тетенька, – раздалось откуда-то снизу.

Я оглянулась. Возле моих ног стояло существо непонятного пола, ростом чуть повыше кошки.

– Ты небось выиграть хочешь?

– Ага, – от неожиданности я сказала правду и тут же спохватилась: – А-ашибаешься, мальчик, просто стою себе, попрошайничаю.

Существо то ли засмеялось, то ли закашлялось.

– Бреешь, тетенька, ты из этих, переодетых. Павлуху не обмануть.

– Это кто же такой?

– Павлуха я, – пояснил человечек и глянул на меня блеклыми, застиранными глазенками, – да я знаю все! Тут о вас на площади судачат, кому не лень. Сколько у тебя сегодня

на кону?

– Ну, – протянула я, – в общем...

– Вы же по полтыщи гринов скидываетесь?

– Ну... откуда ты знаешь?

Павлуха хрипло рассмеялся.

– Тут разве чего скроешь! Значитца, так, считать умеешь?

– Если не очень сложные примеры, то да.

– Вот и раскумекай, – сплюнул Павлуха на пол, – дашь мне триста баксов, сколько тебе останется?

Я быстренько произвела в уме вычисления.

– Две тысячи пятьсот, вернее, две чистыми, потому что в этой сумме пятьсот моих.

– Ну и че? Поделишься? Выиграешь! Только еще и собранное рублями мне потом отдашь!

– Это как же? Нас записывают на видео пленку.

– Не дрожи, главное, ответь, согласна?

Я молчала, пытаюсь сообразить, как поступить. Но мальчик принял молчание за знак согласия.

Павлуха довольно хохотнул и нырнул в толпу. Я уже хотела позвать Диму и попросить картонку, как передо мной остановилась довольно приятная на вид тетка и бросила в пустую коробочку десять рублей.

Процесс пошел. Люди появлялись с завидной регулярностью, женщины и подростки. Через полчаса я сообразила, их было всего трое, просто «команда» постоянно переоблачалась. Баба надевала разные платки и пальто, а дети прибега-

ли в других куртках.

Спустя два часа появился Борис Сергеевич. Сначала он заботливо спросил:

– Не замерзли? Ветер сегодня прямо с ног сбивает.

Потом глянул в пакет и удивился:

– Ну и настреляли! Тут, наверное, около тыщи, похоже, банк сорвете. Да, новичкам всегда везет.

Прихватив «копилку», я пошла за ним к машине.

Очутившись в помещении фирмы, мы переоделись и пересчитали добычу. Самая большая оказалась у меня. С радостной улыбкой Юрий сказал:

– Новичкам всегда везет, вот посмотрим, кто в следующий раз победит. Ну, традицию знаешь?

– Какую? – осторожно поинтересовалась я.

– Так тот, кто выиграл, ведет остальных в ресторан, – засмеялась Нина, жена Юры, – обмыть надо такое дело. Ну, какую кухню предпочитаем? Выбор за тобой.

Я люблю рыбу больше, чем мясо, поэтому мы отправились в «Три пескаря». Просидели там несколько часов, абсолютно бездумно, рассказывая анекдоты и дурацкие истории. Вскоре стало ясно, искать среди моих «коллег бомжей» того, кто убил Евгения и подставил Лику, абсолютно зряшное занятие. Со мной за одним столом сидели две семейные пары: Юра и Нина Самойленко и Чернобутко Петр с Валентиной. С Евгением они встречались всего несколько раз и практически ничего о нем не знали.

– Веселый мужик был, – вздохнула Нина, – на гармошке играл. Пел такие песни, блатные, откуда только знал их, ну типа: «Постой, паровоз, не стучите, колеса...»

– А еще вот эту, – оживился Петр, – «Я проститутка, я дочь камергера...»

– Жаль его, – покачала головой Валентина, – надо же, су-пруга убила.

– Мне Юрку тоже иногда хочется удавить, – заявила Нина. Юра сделал испуганное лицо:

– Ой, не надо!

Нина рассмеялась:

– Так жалко же! Столько лет воспитывала, кормила, одевала, и убить!

– Ты даже не шути так, – покачала головой Валентина.

– Хватит вам о грустном, – прервал разговор Петр, – лучше послушайте, классный анекдот знаю...

Примерно через час мы с Ниной пошли в туалет, где обнаружился огромный аквариум, вделанный в стену.

– Сюда бы моих кошек, – усмехнулась Нина, – вмиг бы охоту открыли.

– У меня тоже живут две кошки, – подхватила я беседу, – Фифа и Клепа. А у Евгения кто был из животных?

Ниночка равнодушно пожала плечами:

– Фиг его знает.

– Вы никогда не были у него в гостях? – Я стала педальировать интересную тему.

– Нет.

– Как же так?

– Ничего странного, – пропела Нина, подтягивая колготки, – мы не дружили.

– Да? А вместе играли в «бомжей».

– И что? Команда могла любая составиться, – равнодушно обронила мадам Самойленко, включая воду. – Мы случайно вместе оказались, и в приятели никто никому не напрашивался! Только дурили вместе, а в обычной жизни не пересекались.

Окончательно загрустив, я вернулась в зал, дождалась, пока Валентина отправится поправить макияж, и пошла вместе с ней. После короткого разговора стало понятно: Валя и Петя тоже были шапочно знакомы с Евгением, ничего плохого против него не имели, но и особо по поводу безвременной его кончины не переживали.

Получалось, что я абсолютно зря мерзла два часа на ветру, собирая милостыню. Никто из моих новых знакомых не держал зла на Евгения и не был знаком с девочкой по имени Ася. Всех игроков расставлял на площади Борис Сергеевич. Естественно, около нас находились охрана и сотрудник фирмы, снимавший действо на видеокамеру, только я не видела ни секьюрити, ни «оператора», они умело прятались. В поле зрения маячил только гориллоподобный Димочка, а потом подошел этот крохотный Павлуша. Вот черт!

Только сейчас я сообразила, что обманула мальчишку, он-

то ждет свои триста долларов. Очень некрасиво получилось.

Я еле дождалась окончания ужина, пообещала скучающим парочкам еще поучаствовать в забаве и побежала к машине. Теперь стало окончательно ясно: и Нина, и Валя говорили сущую правду о своих отношениях с Женей. Они, скорей всего, встречались с ним лишь в момент игры в бомжей. Знаете, отчего я пришла к такому выводу? Когда уходила, никто из присутствующих не спросил мои координаты и не предложил свои визитные карточки. Сразу стало понятно: мы общаемся лишь во время забавного спектакля, в обычной жизни у каждого свой круг.

На вокзал я прибыла около десяти вечера. Возле подземного перехода несли вахту другие старухи, они предлагали не яблоки с петрушкой, а водку с закуской. Не было видно и охранника Димы. Очевидно, парень честно отработал смену и сейчас валялся на диване возле телевизора, обнимая бутылку с пивом.

Я побегала глазами по площади и увидела стайку беспризорников, кутивших около ларька.

– Вы знаете Павлуху? – спросила я у самого высокого паренька в спартаковском шарфике.

– А зачем он тебе? – насторожился мальчик.

– Долг хочу отдать.

Подросток с сомнением посмотрел на меня, но потом отвел:

– Ушел он.

– Куда?

– Так к себе.

– У него есть квартира? – изумилась я.

– У каждого дом имеется, – философски заметил паренек.

– Подскажи мне его адрес.

– Не знаю.

– А кто может помочь?

Мальчик пожал плечами и сплюнул:

– Хрен его знает.

Я достала из кошелька сто рублей.

– Если скажешь координаты Павлухи, получишь в два раза больше.

Ребенок почесал ухо грязной, покрытой цыпками рукой.

– Может, у Катьки спросить? Она с ним жила одно время.

Погодьте тут.

Я покорно замерла у ларька. Было очень холодно, хорошо хоть ветер стих и не налетал больше на людей, словно цепной пес. Прогнозировав окончательно, я купила в киоске стакан горячего кофе, но выпить его не успела, потому что откуда ни возьмись появились два существа: уже знакомый мне паренек и девчонка, закутанная в рваную куртку.

– Вот, – сообщил подросток, – давай деньги, это Катька, она адрес знает.

– Меньше чем за три сотни не поведу, – хрипло закашлялась девчонка.

Я раскрыла кошелек, расплатилась с ними и поинтересо-

валась:

– Идти далеко?

– Да нет, – махнула рукой Катька, – видишь вон там домище, где пиццей торгуют? Во двор зайдешь, тама еще один дом имеется, на второй этаж подымешься, ево квартира у окна, крайняя.

– Номер не помнишь?

– Я цифры только до десяти знаю, – шмыгнула носом Катька, – хочешь провожу до места?

– Спасибо, не откажусь.

– За спасибо только лошадь возит, – буркнула Катька, – гони еще стольник.

– А говоришь, что цифры только до десяти знаешь, – не утерпела я, – в деньгах-то разбираешься.

– В рублях любой дурак понимает, – парировала она, – поперли, нам налево.

– Ты точно адрес знаешь?

– Мы с Павлухой целый год вместе жили, – равнодушно пояснила девчушка, – а потом он к Ленке перебежал.

– Сколько тебе лет? – вырвалось у меня.

– Одиннадцать, – сообщила Катька, загребая грязь слишком большими сапогами, – вроде так.

– А Павлухе? – только и сумела спросить я.

– Тринадцать. Вы не глядите, что у него роста нет, – пояснила Катька, – у Павлухи отец мамку все время колотил, вот он такой и получился, недомерок. Зато умный очень, его

тут в авторитете держат.

У меня иссякли все слова. Да кто бы на моем месте не лишился дара речи?

– Значит, у Павлухи есть родители?

– Чего удивляетесь-то, – обронила Катька, – или, думаете, детей в капусте находят?

– Нет, конечно, но Павлуха попрошайничает на вокзале...

– И что?

– Странно это, при живых родственниках.

– У меня тоже бабка есть, – сморщилась Катька, – если не принесу ей пузырек, убьет. У Павлухи отец только, мамка померла, забил он ее до смерти. Павлуха папаньку терпеть не может, только жить где? Он гордый, по подвалам не хочет. Во, пришли! Сюда!

И она принялась колотить рваным сапогом в филенку.

– Какого хрена надо? – донеслось из квартиры.

Дверь открылась, на пороге появилась девчонка, по виду чуть младше Маши, одетая в спортивный костюм.

– Катька? – удивилась она. – Чего приплюхала? Давно по морде не получала? Совсем о...

– Вот она Павлухе деньги принесла, должок за ней, – пояснила Катя, отступая к лестнице. – Ты, Ленка, за мужика больше бойся, иначе уведут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.